

ВитаМиная

18+

БАБА ЯГА

В ВЕДОВСКОЙ АКАДЕМИИ
ИЛИ
КОЩЕЕВА БОГАТЫРИСТИКА

Витамин Мятная Баба-Яга в Ведовской Академии, или Кощеева Богатыристика

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67472351
SelfPub; 2022*

Аннотация

Ломится стол, гости пируют! Горькую пьет народ, жених невесту целует. Первый злодей с ягой в обнимку сидит, не горюет! Налетели ветры злые, разметали толпы честные. Возникли посреди двора два Ясных сокола. Ударились они оземь и превратились в богатырей-молодцев...

Витамина Мятная Баба-Яга в Ведовской Академии, или Кощеева Богатыристика

– Вы кто? – подивился один из остолбеневших гостей.

– Финисты ясно-соколы! – хором ответили молодцы, внаглую залезая на стол и шагая сапогами вдоль всего честного пира.

– Собирайся, Ладдушка! В путь-дорогу пора! А мы багачик подхватим, – топча заливное, нахально предложил один из незваных пришельцев.

– Нечего сладкой яголке тяжести таскать – вредно, – подхватил другой. – Ей еще богатырей рожать, сразу как созреет наша ягода-малинка. Ну что, красавица, пойдешь за одного из нас замуж?

У меня только челюсть отпала от подобного заявления. Я, кажется, уже с Кошеем сговорилась, на свадебном пиру сидим, больше женихов не хочу. И вообще, кто эти два глумливых молодца, одинаковых с лица?! С наглыми и самоуверенными голливудскими улыбками и сальными намеками. Да мне даже Кощей такого до свадьбы предлагать не смел, а он, между прочим, первый злодей изнанки! От запредельной

наглости я растерялась, а у незваных женишков, по-видимому, все шло по плану, в том числе и мой ступор.

– Вот держи подарочек, красна девица, на будущую свадьбу, от верховной Яги, стальной ноги! В добрый путь! – хором отчеканили Финисты, и в моих руках очутилась странного вида метла. А молодцы синхронно подбоченились. Ну словно клонированные, даже кафтаны золоченые на них одинаковые.

– К-какой путь? – растерялась я, глядя на чудную метлу, вибрирующую в руках, а вот Костик, как всегда, сообразил быстрее меня.

– Руки прочь от моей жены! – схватился Кощей за посох, да не успел. Всполох пламени ударился в магический щит, подставленный одним богатырем, а другой наглец ринулся на Кощея.

– Не злодею на Яге жениться! – Кованый красный сапог пнул Костика прямо в его нахмуренное злодейское рыло. Два молодца загоготали во всю глотку, скаля зубы. Но тут же синхронно получили в эти самые зубы, от чего скалиться им стало нечем, оставалось только змеями шипеть от боли.

– Двое на одного – нечестно! – завопила я, но кто меня слушал? Троица уже вошла в раж, засверкало красное и золотое пламя.

– Аха, – подтвердил один из близнецов-братьев, – не на тот шветошек пошарился!

– Не ему с шветика-семишветика лепешточки обрывать –

богатыршкое это дело!

– Правильно, отродяшь такого не было, чтобы шлодеи на Ягах шенились! Богатыршкое это дело – шениться! А шлодеи пушть почкованием размношаютца!

– Да! – подтвердил близнец, соглашаясь с братом. – Ты не волнуйся, девица!

– Не боишь, крашавица! Шаз рожу этому нашиштим и вещишки твои прихватим, ничего не шабудем!

Только вот, похоже, не Финисты ясно-соколы, а Кощей-наитемнейший богатырям холку мылил. Азартно так, увлеченно, всепоглощенно, с усердием. Словно не мне, а Кощею эти мимопроходимцы предложения непристойные делали.

Видя, что проигрывает, один из братьев Финистов командовал:

– А ну, метелка, неши Ягу прошь от этого штервеша! А мы тут разберемца. Объясним некому шлодею, что он не на ту ягодку рот открыл!

– Твою ж!!! – только и успела я выразить свое мнение о ситуации, как метла, которую я держала, стартанула без предупреждения. И утянула меня за собой, в считанные секунды набрав высоту так, что отпускать древко было уже поздно. Я, никогда не летавшая на метлах, почувствовала, что от страха сердце застряло в горле. Сглотнув комок, взяла себя в руки и, закинув ногу, запрыгнула на метлу, угнездившись на палке, словно ворона на жердочке.

Теперь я хотя бы сидела, а не висела над пропастью, правда, летели мы странно – задом наперед.

Метелка тормознула так, что я сползла на собственные руки и чуть не свалилась вниз, а низ этот был ой как далеко! Летающая поганка развернулась в нужную сторону, неуверенно покачавшись, как стрелка компаса, и дунула что есть силы, унося меня прочь.

– Коще-е-е-ей! – завопила я, наблюдая, как все стремительно уменьшается. – Несет меня метла за синие доли! За темные горы! За тридевять земель в чужое царство-государство! Спаси-и-и-и-и-и! – Только как я ни надрывалась, как ни вопила, а свадьба с потасовкой (и в самом деле, какая же свадьба без хорошей драки?) все равно превратилась в неразличимые точки и клубы дыма, а вскоре и вовсе скрылась вдали.

Я, замерзшая, выстуженная всеми ветрами, шлепнулась на дощатый пол. Еле-еле разжала затекшие пальцы, цеплявшиеся за бешеный веник много часов подряд.

Рядом как-то неуклюже, помято, прихрамывая на разные ноги, приземлились Финисты. Следом грохнулись мои вещички, украденные из Черного замка.

А стоило мне поднять взгляд, как я замерзла еще больше под пристальным взором ледяных глаз нависавшей надо

мною женщины.

Приходила я в себя недолго. Неудивительно, что злодеи никогда не мерзнут: гнев и ярость греют почище любого костра. А во мне они сейчас просто полыхали, разве только дым из ушей не шел.

– Это вы та курица, что этих цыплят высидела и украсть меня приказала? – мотнула я головой в сторону богатырей гнусно-соколов, что сидели в сторонке с видом честно выполненного долга (читай между строк: сделанной гадости) и чистили друг другу перышки. Заклеивали лейкопластырями синяки и фингалы, стирали кровоподтеки, смотря друг в друга, как в зеркало. Пересчитывали оставшиеся зубы, горюя по выбитым.

– Не высидела, а воспитала. Не приказала, а попросила, они единственные добровольцами вызвались. И не украсть, а пригласить учиться, – отрезала строгая женщина с лицом, похожим на топориче, что хранило былые признаки красоты. Только вот строгость навсегда изменила этот некогда красивый лик, сделав сухим, безжалостным и даже немного злым.

– Странный способ пригласить, – со стоном вставая, злобно отметила я, ни на секунду не веря этой женщине.

– Иного не было, – безразлично пожала плечами бывшая красавица. Сразу становилось понятно, что на мое мнение ей начхать, у нее свое есть. – Будь родственники твои живы, ты иначе бы сюда попала, а так... Бабки твоей нет в живых,

мать не инициирована и о бабаягском деле не ведает. Мы тебя случайно по отблескам силы нашли.

– А можно потерять обратно?! Я домой к жениху хочу! – вклинилась я.

– Неразумная, ты просто не представляешь, как тебе повезло, а то бы и вовсе пропала, как твои родственницы. Я – Василиса Премудрая. Веректрисса этого учебного заведения. А ты, Яга названная, потомственная, неинициированная, находишься в академии ведовства и богатыристики, так что веди себя соответственно. – И вредина демонстративно виски потеряла, будто только от одного моего неправильного вида у нее мигрень прорезалась. – И не позорь мои седины, последняя Яга изнанки!

Ага, шаз! Я метнулась к окну и затрясла решетку с истеричными воплями:

– Коще-э-э-э-ей! Спаси-и-и-и-и! – От ультразвука треснули стекла, а вот железо не поддалось. Как выбраться, как убежать? Вся моя сила у злодея осталась!

– Вот глупая, – с какой-то брезгливостью бросила веректрисса. – Неужели не понимаешь – не пара он тебе! Есть претенденты на руку Яги и получше. Ты поучись в академии, оглядись вокруг. – В мое поле зрения как-то случайно попали помятые золотые витязи, заиграли мускулами, и тик глазной у каждого случился. Один левым глазом лупает, а другой – правым. – Глядишь, и забудешь своего Кощея. Злодей не пара Бабе Яге. Силу выпьет, надругается, обманет и бро-

сит. Любой девице Яге от такого охальника сплошной позор и бесчестие, тут защитник нужен – богатырь! А у нас их – как орехов в лесу – видимо-невидимо, сложную науку богатырскую проходят. Сплошь князья-царевичи да купеческие и боярские наследники, даже заморские рыцари имеются. К концу обучения и не вспомнишь о своем злыдне.

– Да что я, на ярмарке женихов, что ли? – разозлилась я.

– Можно и так сказать... – мурлыкнула веректрисса, довольная, что я быстро уловила суть дела. А я язык с досады прикусила. Не объяснять же заморской воображалке, что я просто так, наобум ляпнула.

– В любом случае из тридевятого царства тридесятого государства тебе без бабаягской науки не убежать. Курс пройдешь – и катись на все четыре стороны! Хоть под венец, хоть в свою изнанку!

Обнадежила!

От веректриссы меня унесли те же красны молодцы, что регенерировали со страшной силой. Приподняли меня под белы ручки, прямо под одобрительным взглядом Василисы Премудрой, развернули и унесли. Не забыв мой багаж.

По дороге каждый присосался к губам, что твоя пиявка, да предложение богатырей нарожать повторил. Причем как по отдельности от каждого, так и от обоих братьев разом!

Мне только болтать ногами и отплеиваться оставалось!

В светелку занесли, аккуратно на пол уложили, с особым пиететом, между прочим. Бревна рядом швырнули и ушли поганцы, дверью хлопнув, только замок с той стороны взвизгнул.

В кучке бревен я опознала свой домик, который, стоило исчезнуть опасности, мигом собрался в изначальный вид. Вот и все мои вещи.

Ни шапки-незримки, ни наливного яблочка со спутниковой тарелочкой, ни меча-кладенца с собой ироды не прихватили, опознав в них не девичьи, а богатырские вещи.

И осталась я одна-одинешенька в чужом царстве-государстве, пленная и безоружная. Вдали от любимого.

Поэтому мне только и оставалась хлопнуться об пол и зареветь навзрыд.

Я так и поступила, только местом своей безутешной печали выбрала крылечко бабаягского домика.

Не было рядом со мной никого родного, и Кощей, самый близкий мой злодей, далеко. Свидимся ли мы еще? Отыщет ли он меня?

Разбередив сомнениями душу, я зарыдала еще громче и безутешнее. А когда слезы кончились, появилась надежда.

Кощей – это не какой-нибудь там мелкий темный князек, он первый злодей изнанки, хоть и бывший. А упорство и целеустремленность вкупе с изобретательностью так скоро никуда не денутся, темное мастерство не пропьешь, как гово-

рится. Он и отыщет, и найдет, и из-под земли достанет. Костями ляжет, а меня не бросит. Надо только дожждаться, когда он за мной придет.

Успокоив себя такими мыслями, я уже с улыбкой на губах вспоминала любимые черты того, с кем меня связала сама судьба. Кошей меня найдет и придет за мной. Злодей – это тот, на кого всегда можно положиться. Но, как говорится, на злодея надейся, а сама, Яга, не оплошай!

– У-у! Прихвостни пернатые! – погрозила я в темноту. – Встречу этих Финистов, самолично налысо ощиплю, буду медленно, но верно выщипывать по одному перышку! За все мне заплатят – и за гнусный обман, и за то, что от мужа меня украли! Вспомнила, как все обернулось, и опять слезы брызнули из глаз.

Нарыдавшись в темноте вволю, я на четвереньках заползла в свою избушку, которая была не больше собачьей конуры, свернулась клубком прямо на дощатом полу и, всхлипывая, уснула. Спать в собственном домике, хоть и крохотном, мне казалось безопаснее, чем в неизвестной комнате, полной непроглядной тьмы.

Едва забрезжил свет, я вышла из своего домика и с любопытством подошла к окну, чтобы узнать, где я.

Выглянула сквозь решетку наружу и остолбенела. Вокруг была выжженная земля серого оттенка. Можно сказать, пепельная пустыня. Ни клочка зелени, ни лесочка, ни речки, только камни мшистого цвета и все оттенки тоски и уныния.

– Эт что еще за гнусь такая? – не удержавшись, вслух воскликнула я. Потому что была готова увидеть все что угодно, но не представшее передо мной безжизненное безобразие.

– Черно Быль, – раздалось рядом. – Гиблое и крайне опасное место, полное нечисти и нежити.

– АХ! – воскликнула я оборачиваясь. На подоконнике стоял старый знакомый. – Вот молодец, не бросил свою Ягу! – закричала я, хватая лысого ежика и прижимая его к себе. Колобок, он же вечно прикидывающийся хлебушком ежик, мой главный советник по изнанке, наслаждался заслуженными ласками, самодовольно подставляя еще не целованные бочка и мордочку. – То-то мне ночью казалось, что колетса! Ни вещей волшебных, ни книги заклинаний, ничего не осталось, хотя бы ты у меня есть, а значит, не пропаду!

– Не грусти, Яддушка! Придет он за тобой, только жди! А время это проверкой вашей любви будет! – утешал самый верный друг на свете. – Мы ведь Кощея с тобой оба хорошо знаем. Вредный он злодей, что ему принадлежит – другим ни за что не отдаст, удавится, но свое взад воротит. Исключительно из вредности своей злодейской природы. Не получают тебя местные богатыри! Не реви! А я пока твоим верным рыцарем буду, без страха и упрека! – воскликнул ежик, вынимая единственную иголку.

– Ну кто там еще вопит? Мало того, что ночью спать мешали, так еще рано будят! – послышался недовольный хор голосов. Внезапно я очутилась в окружении незнакомых де-

виц.

Свет в оконце разгорался все сильнее, освещая горницу, в которой по углам стояли сундуки да полати. На печках и царских лавках спали девицы, рядом стояли сундуки да избушки мал мала меньше. У каждой девицы – своего фасона и архитектуры. Были здесь и вытянутые, как колокольни, часовни на полозьях, и каменные хоромы на четырех козлиных ногах, короче, всего много было. И все дома недовольно поскрипывали, как и их хозяйки.

С лавок и полатей вставали обладательницы колдовских строений, девицы-красавицы по виду не нашеньские, а заморского разлива, кто в чудных пижамных портках, кто в колпаках с кисточкой, а кто и в пышных ночных сорочках.

– Блеск, еще и общая спальня! – догадалась я по виду многочисленных резных лавок у дальней стены.

А девицы-красавицы дружно восставали со своих лежанок и двигались в нашу сторону, очень слаженно и целеустремленно. И лица у этого заморского интернационала были мятые и невыспавшиеся.

«Будут бить», – определила я.

Но еще до того, как первая разбуженная девица успела в меня вцепиться, дверь в горницу резко открылась. В помещение быстрыми шагами вошла веректрисса, и все замерли.

– С добрым утром, класс! Поздравляю вас с новым учебным годом. – И сразу без предисловий перешла к делу. – Так, девочки, все сдали магические шары, волшебные зеркала,

зачарованные гребни и языческие куклы Вуду! Несанкционированное колдовство запрещено в стенах ведовской академии, равно как и богатырские подвиги, внеурочные и внеклассные встречи со злом и нечистью. Подобное разрешено только под неукоснительным присмотром преподавателей и учителей. Мисс Крюк, наша надзирательница в дортуаре соберет ваши волшебные вещи, дабы вы не отвлекались от обучения!

За спиной веректриссы стояла тощая, как палка, и сухая, как трухлявый пенек, женщина. Нечисть! Потомственная болотная кикимора! Опознала я природу нашей надзирательницы, стоило только почувствовать, как от кислой женщины несет затхлостью, тиной и плесенью.

– Приветствую всех, кто снова с нами и прилетел на второй год обучения!

«А что, здесь есть те, кто поступил в эту академию добровольно? – удивилась я. – Сумасшедшие!»

– Тем, кто здесь впервые, мои поздравления! Вы зачислены в самую лучшую академию магии и чародейства, попасть к нам нелегко.

Я про себя хмыкнула: «Сколько апломба! Будь моя воля, давно бы была за сотни миль отсюда! Да только вокруг безжизненная пустыня, крайне опасная и смертоносная. Ну и местечко для лучшего учебного заведения! Это все неспроста – вокруг академии полоса отчуждения, решетки на окнах, усиленная охрана. Здесь явно что-то нечисто, надо дер-

жать ухо остро и при первой возможности бежать, прихватив с собой домик и ежика!»

– Только наша академия помимо обучения заботится еще и о будущем наших подопечных, – продолжала расхваливать заведение веректрисса, пока адептки доставали из багажа свои вещи. – Бережет их неприкосновенность как зеницу ока и не оставляет после окончания, помогая найти путь в жизни и счастье...

«Свахами еще подрабатывают, короче! – про себя огрызнулась я. – И навязывают непрошенных женишков!»

Но остальные адептки смотрели на веректриссу затуманенными от счастья влюбленными глазами и послушно складывали в корзину надзирательницы стеклянные шары и мутные зеркала в старинных оправках.

– Поторопитесь, девочки, и быстрее переодевайтесь в форму, скоро заселение, – бросила веректрисса, радостно обозрев свое недоученное магическое стадо, и вышла, оставив нас на съедение мисс Крюк.

Ох и гнусная была эта женщина, мы как-то сразу друг друга невзлюбили. Во-первых, надзирательница очень требовательна, и остальные девочки ее откровенно ненавидели и побаивались. Как и всякая не домовая нечисть она не жаловала людей. У кикиморы был тухлый, вредный характер, как водица в болотце.

Все послушно, как собачки, выполняли команды. Сдавали магические вещи, без которых – я точно знала – ни одна Яга

не будет чувствовать себя уверенно. Одевались в свои вещи, ставили в стойла метлы, в этикие вертикальные узкие гробики. Пересчитывали сундуки с необходимым для успешного прохождения учебного года, учебные книги, свитки, перья и прочие полезности, короче, сущее магическое богатство. Только у меня ничего не было. Я покосилась в окошко своего домика – пусто. Все вещи будто корова слизала. Ясное дело, домик обшарили и все лишнее конфисковали.

– Фамильяров либо в клетку, либо в ошейник! – проскрипела мисс Крюк, неодобрительно глядя на Колобка. – Вот ваша форма, Лада Калинина! Переодевайтесь и на выход, живо!

Я демонстративно села на пол и скрестила на груди руки в знак того, что и с места не сдвинусь.

Остальные адепки радостно брали узелки с местной учебной формой, от которых прямо-таки на расстоянии воняло прачечной и хозяйственным мылом. И чертовски прилежно строились на выход, чем несказанно бесили меня. Толпа тупых овец. Нет, не овец, судя по аристократично вздернутым к потолкам носам – баранесс! От слова баран!

Вернулась веректрисса.

– Девочки, почему встали как вкопанные? Дел нет? А ну-ка собрались быстро, заселились и на первое занятие! – А ты почему не одета и на полу валяешься? Что ты себе думаешь? Тебе после учебы еще богатырей рожать, а ну встань! – От одного этого ненавистного тона хотелось усесться на глы-

бу льда и примерзнуть к ней булками. До чего же противный тон у веректриссы, надменный и презрительный, не терпящий возражений. – Если не поторопишься – подведешь остальных, тогда наказаны будут все.

– Ну и отлично! Может быть, тогда вы выгоните меня из этого заведения! У меня там дом, реальность, злодей любимый! Любовь большая... Возможно... – вспомнила я своего мускулистого Кощея и почему-то покраснела. А вот остальные адептки явно со злобой и недовольством во взгляде посмотрели на в мою сторону. Но меня одними косыми взглядами не собьешь с истинного пути. Однако глава данного заведения придумала для меня нечто получше недовольствия – муки совести и очередной трудный выбор между долгом и любовью.

– Не о том думаешь, Лада Калинина! – продолжала читать нотации веректрисса, морща прямой нос. – Какая любовь, когда ты последняя Яга изнанки? О продолжения рода задумайся, да крепко, пока совсем Яги в сказочной нави не повымерли. Тогда зло точно восторжествует. А она – как маленькая – любовь да любовь... стыдно, эгоистично и безответственно. И... грязно для девицы. О бабке своей покойной подумай, жизнь свою, чтобы границу защитить, отдавшую. О матери. Что ей теперь – на склоне лет от сына отказываться, от мужа, семьи обретенной и проходить обучение да инициацию, жизнью рискуя, бросив все, так трудно добытое. Ты такой судьбы своей матери желаешь?

И все это было сказано при остальных девицах. Так что мне сразу становилось ясно по их брезгливым лицам – дружба нам с ними не видать.

В единый миг я стала фигурой нон грата и белой вороной. И все стараниями веректриссы, мухомор ей в глотку!

– В общем, найди себе богатыря и задумайся о продолжении рода, крепко так задумайся, последняя Яга изнанки! – коротко закончила веректрисса.

Обиднее всего было то, что каждое слово из сказанного являлось правдой, и от этого становилось не по себе, ведь против замужества восставало все мое естество.

С Кощеем и свадьбой с ним я как-то примирилась под видом перевоспитания злодея, но чужой, незнакомый мне богатырь – это уже ни в какие ворота!

И ведь права веректрисса, сотню раз права, не могу я изнанку без Яги оставить, по всему получалось – дочь мне нужна. Только не была я готова к этому. А выбора не было совершенно. Или я подведу всех, или переступлю через саму себя. А в конце концов один исход – я буду несчастна, и выхода иного нет. И от этого так нестерпимо обидно было, что хоть вой.

Только не в моих правилах сдаваться. Не за то меня Кощей полюбил. Сам же говорил, что его во мне неугомность восхищает, а значит, надо, чтобы веректрисса, все местные адептки и преподы тоже в изумление от моей восхитительности пришли.

План побега нужен и строгий список мероприятий, разбитый на пункты со способами избавления от навязанных женишков. Где там моя брачная косметика была? Не захватили с собой Финисты ясно-соколы? Это они зря. Так я подручными средствами обойдусь, так женихам «понравлюсь», что они от меня, роняя портки, убежать будут!

А пока осмотрюсь. Раз уж меня здесь за почетную пленницу держат, попытаюсь-ка я себе выбить все лучшее. Общая комната – это ни в какие ворота. Где вообще почет, уважение и особый пиетет к будущей дипломированной Яге изнанки? Обстоятельства не просто требуют, а вопиют, чтобы я себя в академии поставила так, что каждый зачуханный препод к Яге на «вы» обращался, да еще с большой буквы!

– Как это понимать?! – начала качать права я сразу же, как нас попытались заселить в одну на всех горницу. – Я последняя Баба Яга изнанки, редкий зверь, можно сказать, занесенный в Красную книгу...

– В черную, ту где некрологи, – ничуть не смутилась веректрисса моему возмущению, – или в семейный альбом, тот, что посмертный.

– А пусть даже и так! – огрызнулась я. – Почему я должна ночевать в общей спальне? Неужели ваша хваленая академия не может выделить своим адептам помещения получше?!

– Почему же? – Веректрисса, разорвав непреклонный калач, в который были сплетены ее руки, демонстративно от-

крыла дверь в коридор. – Вон их сколько, комнат этих, за-
селяйся в любую по своему вкусу, только потом не плачь и
обратно не просись.

Под испуганными взглядами остальных адепток я подхва-
тила с пола своего фамильяра – ежика, который обмотал во-
круг своего экватора за неимением талии и шеи веревочку,
изображающую поводок, – и направилась напрямиком в све-
телку напротив, поманив за собой кивком домик.

Адептки переглянулись, стоя с открытыми ртами и глядя
на подобный оголтелый индивидуализм.

– Только ты все равно к этому дортуару приписана, – при-
печатала веректрисса и ушла, гадина, прыснув ядом напо-
следок.

Я, изображая из себя самого уверенного человека на све-
те, начала раскладывать свои скромные пожитки, то, что по-
считали нужным взять с собой чертовы нещипаные Фини-
сты. Негусто они прихватили вещей, скажу я вам.

Адептки в третий раз в страхе переглянулись, пожали пле-
чами и занялись раскладыванием привезенного, косясь на
меня. Впрочем, я занималась тем же, нет-нет да и посматри-
вая на тех, кто добровольно согласился учиться в академии
ведовства, которая так настойчиво занимается будущим де-
вушек.

Адептки вытворяли совсем странные вещи, одна прятала
пироги да баранки в прикроватную тумбочку и на висячий
замок их запирала. Это потом я поняла, что на местных хар-

чах далеко не уедешь, даже если на практике каждую былинку на приварок собирать будешь. А сейчас мне это показалось до ужаса странным, но девица скорчила мне рожу и сунула ключ себе за пазуху.

Остальные занимались кто чем, стелили постели, доставали одежду. Даже аристократок устраивала общая спальня, что вообще поражало больше всего!

– Мы дверь открытой оставим, робко предложила одна из адепток – та, что меньше всего задирала свой неаристократичный нос-пуговку к потолку. – Если что – беги к нам...

Такая забота меня просто возмутила. Я, между прочим, целого оборотня победила! С чего это мне бояться пустой комнаты?

Я подошла к двери и демонстративно хлопнула ей, отрезая себя от добреньких жалельщиц и показывая всем, что их забота мне не нужна, и вообще, я тут вся пленница такая, обиженная и оскорбленная. Какая Яга в гневе – они чуть попозже увидят.

Избавившись от посторонних глаз, я встала посередине и осмотрела светелку. Ничего так, просторненько, пыли, правда, много и мебель доисторическая, витесанная из цельного массива дуба. Дерево как таковое здесь преобладало везде. Скрипело тоже всюду.

Доски пола заливались соловьем и пели на все голоса, дверцы шкафа, вырезанного прямо в бревнах стены, посвистывали, лавки и стулья поскрипывали, и вообще, горница

не собиралась молчать, издавая шуршаще-стонущие звуки, будто была наполнена невиданной жизнью. Даже сами стены светелки с жалобами покачивались от неведомого потустороннего ветра.

Не удержавшись, я, не без труда открыла дребезжащее окно и выглянула наружу. Уходящий в облака деревянный терем, собранный без единого гвоздя из посеревших бревен, с недовольным ворчанием качался на ветру, но не падал. Похоже, вся академия с башнями, куполами, резными крылечками, коньками и наличниками держалась только на одном – на магии, а вернее на силе и воле женщины, создавшей это заведение.

От обилия вливаемой магии кое-где терем пошел в рост, выпустил из бревен раскидистые дубовые ветки и попирал ими облака, осыпая округу желудями.

Короче, мне досталась не самая лучшая комната, грязная, пыльная, с паутиной и пауками по углам, почти без мебели. Зато с собственным резным балкончиком под коньковой крышей, большими окнами, из-за которых зимой здесь, должно быть, невероятный дубак. Но поворачивать оглобли уже было поздно и стыдно. Так как я не планировала столь долго здесь задерживаться, холод меня не должен был волновать.

Первый урок оказался домоводством, и вела его низенькая и плотненькая домовичка. Все сорок пять минут мы учились складывать салфетки лебедушками, рачками, уточками

и ласточками. По причине первого дня разрешалось быть без обязательной формы.

Потом на следующей паре мы учились взбивать перины, вышивать рушники, мести пол и ставить квашню.

Короче, хитрожопая веректрисса под видом уроков припрягла адепток убирать помещения. И тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы понять – академия испытывает трудности с финансами, иначе веректрисса просто наняла бы прислугу из тех же домовых, например, или иных сказочных и волшебных существ.

Официально это объяснялось так: в жизни всякое может случиться и надо быть готовым ко всему.

И вот диво, даже самые титулованные аристократки самозабвенно драили палубы этой скрипучей академии.

Только зачем мне, Яге, готовиться в уборщицы, я не знала и поэтому спросила у веректриссы. После чего она срезала меня ловким «Яга – санитар изнанки!» и заставила убирать вдвое упорнее, совершенно без магии!

Ну теперь у меня к жестокосердечной веректриссе еще и бабаягские счета есть помимо личных. Яга, значит, санитар? Ничего, я вам тут приберусь и порядок наведу!

Когда драили кухню, я «убрала» под сарафан чугунную сковородку, пару вилок, ножей не досталось. Пяток яблок, тарелочку, увы, без каемочки, под конец от нечего делать засунула под юбку швабру, не торчит и ладно. Пусть все думают, что у меня такая гордая осанка, а не деревяшка спину

подпирает.

Когда к вечеру девицы вконец уработались, нас повели в дортуар, общую светелку, которую адептки, подражая ве- ректриссе, называли обязательно на иностранный манер.

Проходя по открытой всем ветрам галереи, одна из адеп- ток истошно завизжала, да так громко, что я, выхватив из- под юбки швабру, встала в боевую позу и закрутилась вокруг себя, ища опасность.

Вслед истеричке принялись вопить на все голоса и осталь- ные адептки, совершенно дезориентируя меня в простран- стве.

Девицы, прыгая на месте и завывая, как морские свинки, тыкали пальцами куда-то вниз. Отдышавшись, одна из них сумела выкрикнуть:

– БОГАТЫРИ! – И вновь завопила сиреной, скача от вос- торга.

Только сейчас я рассмотрела, что в туманной низине в во- рота терема въезжали конные всадники. В шлемах и латах, с копьями, на которых развевались орифламмы.

Я сощурила глаза, всматриваясь. Некоторые богатыри ды- мились, у одного вместо тряпицы на копье пылал пожар. Часть лошадей, что старалась браво вышагивать, откровен- но хромала. Да и шлемы с нагрудниками богатырей при бли- жайшем рассмотрении оказались посечены и помяты.

Это их так в Черно Были отделали? Я сглотнула. И пере- думала бежать через выезженную пустошь, предпочтя пойс-

кать иной путь исхода из академии.

А девицы чуть ли не выпрыгивали с открытой галереи, строя глазки предполагаемым защитникам и женихам. Отчего потрепанные богатыри приосанились и заиграли мускулами.

Безобразие пресекла веректрисса, разогнав девиц по светелкам. Как после оказалось, бабок-ежек, а по-ихнему, заграничному, колдуний и ведьм, принимали в академию за магическую силу и мощь.

Богатыри же должны были проложить путь себе сами, иначе какие они после этого богатыри? Только после преодоления трудностей те, кто не сошел с дистанции и выжил в Черно Были, добирались до академии и имели право стать защитниками и названными супругами, временными женихами, короче.

Добрых молодцев удалось увидеть только одним глазком: несмотря на запрет веректриссы, все девицы побежали подсматривать. А чем я хуже? Яга должна быть в курсе всех дел!

Поэтому я побежала вместе со всеми остальными удовлетворять свое любопытство.

Богатыри были на любой вкус.

Только вкус этот был какой-то уж слишком извращенный. Глядя на дымящихся героев, сразу становилось понятно, что выживает далеко не сильнейший или умнейший. Надо обладать неким иным качеством, а именно неубиваемостью, непрошибаемым упорством, внешностью далекой от челове-

ческой и максимально приближенной к неандертальцам. Вот кто спец по выживанию. И вели они себя соответственно – почесывали обожженные и поруганные неприятелем места, ловили блох, ковырялись в носу.

Впрочем, не все богатыри были похожи на горилл, сбегавших из цирка. Как и обещала веректрисса, имелись среди добрых молодцев и заграничные экземпляры. Худосочные английские рыцари – соплей перешибешь, французские мушкетеры, одеты и покрашены лучше девиц. И, конечно же, добры молодцы из чайной страны тоже не могли пропустить подобного мероприятия. Присутствовали тут и сказочные твари, волшебная жить, перешедшая на добрую сторону: эльфы, гномы, был даже один дриад.

Короче, в первых пунктах на повестке дня у добрых молодцев было умение выживать, а все остальное, типа воспитания или хороших манер, по их мнению, приложится как-нибудь само собой потом, на худой конец, заведется от сырости.

Богатырский цветник пестрел всеми оттенками кожи, фасонами тел и калибром конечностей.

По беззубым улыбкам и растрескавшимся губам было видно: этот путь богатыри проделали с одной определенной целью и класть они хотели бирюльку на борьбу добра со злом, они сюда приехали с определенной целью – размножаться.

Угу, если только почкованием, потому что ничего боль-

шего этому разукрашенному Черно Былью цветнику не светило. Тем не менее цветики-семицветики не оставляли надежды продолжить свой род, несмотря на большие увечья, начинали заигрывать с выглядывающими из-за угла девицами.

Увы, когда я составила только половину пунктов плана по избавлению от женихов, нас обнаружили и, пристыдив, погнали в спальни.

Напахавшись, как домовой, и удовлетворив любопытство, – своего жениха (читай между строк – врага!) надо знать в лицо, – я, постанывая, приползла в свою комнату, другие адепки выглядели и чувствовали себя не лучше.

Планов была масса, но ни на что не было сил. В очередной раз я убедилась, что этой академией управляет иезуитская женщина. Все было спланировано заранее, и девицы, упавшись за день, не должны были придать особого значения тому, что продемонстрированный им богатырский товар явно лежалый, использованный, а местами некондиция и вообще частично выведен из строя.

Мужские и девичьи спальни были на разных этажах. Когда адепки в следующий раз увидят богатырей, у тех будет время привести себя в порядок и начистить перышки, как это сделали Финисты ясно-соколы. Ушибы и ссадины в короткой девичьей памяти при помощи буйной фантазии превратятся в знаки доблести и победы, а адепки охотнее выберут себе защитника и мужа. Тем самым исполнив золотую

мечту веректриссы. А там и вся недолга: наплодят много маленьких деток-ежек и богатырчиков! Всем известно, как это бывает от скуки. Длинными долгими вечерами совершенно нечем заняться.

Меня передернуло. Нет уж, у меня дел по горло и планы имеются!

Но как же все ловко спланировано!

И в этот брачный вертеп меня зашвырнули, схватив как бессловесную зверушку. Ну ничего, мы и тут поборемся. Где наша Раша не пропадала! В реальности и сказочной изнанке бывало и пострашнее. Просто надо верить, что Кощей за мной придет, вот и все!

Поэтому я решила, что утро вечера мудренее, и постелила себе на ближайшей широкой лавке. Под охраной сторожевого домика и рыцарского ежика легла спать.

Ночью я проснулась от того, что мой самопальный матрас начал двигаться. Целенаправленно так, набирая скорость в сторону балконных дверей.

Следом за мной летел ежик, держа за косу и тщетно пытаясь остановить мой стремительный полет.

Но вот чудо – и мой домик комнате пришелся не по вкусу! Несчастный избушонок, скребя куриными лапками по доскам, также двигался в направлении «на выход»!

Вся эта ситуация меня несказанно стала бесить. Домовые духи бунтуют! И это их хваленое гостеприимство?

А еще становилось понятно, что имела в виду стесни-

тельная адептка, предлагая оставить мне дверь открытой. А остальные-то! Нет бы помочь своей сестре, вроде бы одно дело делаем, хоть и прибыли из разных стран, а они?! Иностранки – одним словом!

С домовою нечистью и чистью справиться трудно. Но возможно.

Во-первых, надо определить, кто недоволен твоим присутствием и чем ты им не угодила. Гаже, когда это не домовою или домовиха лютуют, а заграничная нечисть поселилась, наподобие полтергейста. В волшебной книжице рецепты были всякие, видимо-невидимо вариантов избавления и способов устранения всякой нечисти, да вот беда, без пяти минут битые перьевые мешки не прихватили мой бабаятский скарб.

Ну вот за что мне эта напасть? Как раз тогда, когда я так сильно устала и вымотана дурацкими домоводческими уроками веректриссы!

Но кричать, а тем паче бежать, звать на помощь или не дай боже прятаться в общей спальне – ни-ни! Такая трусость смерти подобна. Да и стыдно мне отступить, подумаешь, нечисть! Я с ней и раньше в изнанке справлялась. Не я ли целого оборотня усмирила?

Просто здесь надо было действовать иначе, не силой, а хитростью. Если бы нечисть хотела, она бы давно меня убила, а эти так, по маленькой играют, всего лишь в окно выбросить пытаются. Просто смешно! Я лежала на спине, скрестив

руки на груди, упираясь ногами в оконный косяк, и размышляла, пока подо мной матрас двигали туда-сюда. А нечисть-то эта туповата... Раза три меня заволакивали обратно в комнату и вновь пытались вышвырнуть вон, каждый раз я все так же ловко упиралась ногами.

Можно было бы забить на все и спать, задрав ноги к потолку, но мало ли на что еще сподобится домовая нечисть, когда почешет в затылке и обмозгует ситуацию? Вот-вот, и я не знала, а потому резко встала, печальным взглядом проводив летающий матрас, и пошла разбираться с несговорчивыми домовиками.

Было одно универсальное средство против всякой нечисти – хоть нашенские они, сказочные, хоть заграничные, тридевятоцарские, а именно – железо!

Я ринулась напрямик к своим ловко украденным трофеям. Среди них была тяжеленная чугунная сковородка, которую я каким-то чудом пронесла под пышным свадебным сарафаном и не запалилась. Другие адептки давно переоделись в уродливые форменные платья из тяжелой, чернильного оттенка шерсти, с кокетливыми белыми воротничками и широким шелковым поясом-бантом.

А я никак не могла расстаться с последним напоминанием о незавершенной свадьбе. Мне был милее наш сказочный, легкий красный шелк, чем это новомодное заграничное уродство. Казалось, сниму с себя сарафан и Кошечя милого забуду! Да и потом в своем как-то спокойнее, яркий цвет

придает уверенности и создает боевой настрой.

Я встала посреди горницы в позе «воин во всеоружии готов встретить врага», выставив сковороду, как меч, перед собой.

– А вот я вас чугуном попотчую! – угрожающе гаркнула я на всю светелку особым бабаягским гаком, от которого менее опытная сказочная нечисть в обморок падала.

И тут же сковороду у меня попытались отнять. Началась великая игра «перетяни чугунок». Судя по ощущениям, на той стороне действовала весьма слаженная злобная команда. Гладкая рукоять медленно, но верно выскользывала из моих рук с каждым рывком распоясавшейся нечисти.

Если эти невидимые твари отберут у меня сковородку и ей же отходят, будет совсем гнило. Первый день в академии – и такой стыд. Что-то мне подсказывало: опозорюсь – не выживу. Адептки, как стая уже спевшихся на предыдущем курсе хищников, сожрут и костей не оставят.

Нехотя с моих губ сорвалась крайне неприличная вереница ругательств и в виде сверкающих знаков улетела в окно. Свою тираду я завершила коронным:

– Мухоморов вам в глотку и побольше! – Сбылось и это. Сказанные слова просто материализовались, они возникали в воздухе светящимися абстрактными знаками, отдаленно похожими на иероглифы чайной страны. И, медленно растворяясь,плыли прочь.

Я в страхе замерла посреди горницы, никогда не видел

сырой неприрученной магии, но безошибочно узнав ее по несвойственной обычным прирученным чарам мощи.

В окно просунулись две лохматых наглых морды.

– Что здесь за смертный бой? – хором спросили они, и я выронила сковородку.

Первое, что пришло на ум: как это они там держатся?! А второе – как стервецы, укравшие меня у суженого, посмели носы свои конопатые совать в девичью горницу?! А если бы я была в ночной рубахе? Но что-то мне подсказывало на это они и надеялись.

Пока я пребывала в ступоре, наглецы, перекувыркнувшись в воздухе и зависнув на секунду, держась за косяк, как кошки, спрыгнули в помещение. Сразу было видно: по горницам лазили они не впервой.

Молодцы нагло, как к себе домой, вошли в светелку, побродили, осмотрелись, с интересом присели на корточки над оброненной сковородкой. По всему было понятно: сравнивают парни, чем это я тут таким занималась.

А я впервые рассмотрела вблизи Финистов ясно-соколов, так нагло умыкнувших меня.

Одеты были парни щеголями. До чего уж Кошей любил разодеться в шелковые рубахи цвета тьмы, но этим сказочным денди он не годился и в подметки. Финисты щеголяли золотыми рубахами, сейчас небрежно выпущенными из бридж того же цвета. Даже чулки на необутых ногах – и те были цвета белого золота!

По ступням, одетым в одни чулки, я поняла, что парни бросились мне на помощь, даже не обувшись, и немного смягчилась. Ишь ты – богатыри!

А потом я вспомнила, какие гадости предлагали мне эти разодетые петухи, и нахмурилась. Хорошо хоть, портки и рубахи надели, а то бы заявились в девичью светелку в чем мать родила! С них бы случилось!

А волосы-то, волосы! Тоже золотые, только темного оттенка. Небось подкрашивают! Где это видано, чтобы у людей золотые локоны были?! Не блондинистые, не светло-русые, а как есть чисто червоно злато!

Этакая «рыжуха», как говорили разбойники, красное золото в самой что ни на есть своей пошлой сути. Даже смотреть жадно, так и хочется рукой дотронуться и локон себе такой на память заиметь. Подальше от искуса спрятала ладони за спину, а то аж чесались.

К моему стыду, кажется, до парней дошло, чем я тут занималась. Оба посмотрели на меня и синхронно ухмыльнулись, да так нагло и всезнающе, что я стала цвета своего сафана.

– Чугун против нечисти? В нем ведь всего процентов семьдесят железа! Тебе учиться необходимо, Лада. Чисть от нечисти любой сможет отличить. Как ты могла перепутать?! – Я покраснела еще больше от этого снисходительного и прощающего тона.

– Да и тяжело было бы тут нечисти проказничать, вон, –

рыжий кивнул головой в сторону, – все стены оберегами увешаны, так что не нечисть здесь шалит, а домовые духи. Разгневаны они больно, – сказал и сам же смутился – вроде как лишнее ляпнул. Только этих двух бесстыдников подобное не остановило бы, что-то здесь было не так. А близнец уже виртуозно переводил стрелки на другое, отвлекая меня от проговорившегося брата.

Уловив в этой оговорке тайну, я наострила ушки на макушке. Сей факт не укрылся от Финистов, и братья вместо того, чтобы смутиться, ринулись в бой.

– Подобную неуч никто замуж не возьмет. А уроки домоводства – это так, цветочки, подожди, вот начнутся лекции с практикой – взвоешь, как пьяная русалка.

Я с удивлением оглядывала стены и нет-нет да и узнавала припрятанные то тут, то там обереги. Подкова над входом, дверь, обитая сто процентов железными полосами. Пучок овечьей шерсти, красными нитками перевязанный, оберег из соломы в виде человечка, да чего тут только не было! На подоконнике лежали чеснок и столь любимые мной мухоморы, я их первоначально за мусор приняла. А глядишь ты, как комнатка-то укомплектована, с виду и не скажешь. Только ловушек для привидений, как в фильме, нет. Хотя кто знает. Может, они здесь призраков паутиной ловят?! Вон все углы ей затянуты, и те самые домовые духи, которые беспорядка и грязи на дух не переносят, почему-то не убирают ее. Вероятно, паутина по углам носит утилитарный характер,

так же как и мусор на подоконнике из чесночно-грибного крошева.

И такая тенденция, судя по всему, прослеживалась по всей академии.

– Ну, с домовыми мы тебе поможем, делов-то. Ты, главное, учись лучше, а то такую необразованную барышню не один богатырь не спасет. Не успеет.

– У нас тут, понимаешь ли, не ваша безопасная изнанка, – поддакнул брату другой Финист, – а тридевятое царство, тридесятое государство, даже в городах бывает опасно, и нечисти и чисти навалом.

– Из дома в лавку за хлебушком выйдешь – на дракона напорешься, – стали хвастаться доморощенные богатыри, и с такой гордостью у них это получалось, что я к незаслуженно обиженной изнанке приревновала. У нас и поопаснее бывает!

– В соседнюю деревеньку за хлебушком поедешь – в ближайшем лесу русалки погубят, али вампир кровушку всю выпьет.

– Как же вы тут без хлебушка обходитесь, по домам сидючи? – съехидничала я. Потому что от меня не укрылись ни железные решетки на окнах, ни пудовые замки на тесаных из дуба дверях. Ну и тот факт, что адепток этой чудной академии держали, как стаю овец, в охраняемом дортуаре. Это одна я – черная баронесса, выбилась из общего стада и сунулась в незащищенную горницу.

– Так жены на что?

«У них тут еще и шовинизм махровый!» – определила я.

– Ясно дело, хлеб девки пекут. У нас в тридевятом царстве лишний раз девицы-красавицы носа из дома не высовывают.

«И домострой!» – присовокупила я очередное наблюдение.

– Для того уроки домоводства и придуманы.

«Вдобавок оголтелый патриархат, м-да, действительно у них тут тяжело живется. Женщинам».

– Ясненько, – только и смогла ответить я, а сказать хотелось ой как много. – Но я у вас тут ненадолго.

– Дольше чем ты думаешь, ягодка, – осклабился один из соколов и полез в штаны.

Я шарахнулась в сторону и даже занесла для удара сковородку, но оружие защиты женской чести не пригодилось.

Финисты, как один, торжественным движением вынули из тайника по мешочку. Который аккурат поверх срамного места у них в штанах на веревочках обретался. На иностранный манер сия пошлость гульфиком, кажется, звалась, правда, я не очень разбиралась.

Это что же получается – по этой их заграничной срамной моде надо на пах цеплять мешочки с чем-нибудь объемным, чтобы мужской уд больше казался?! Во извращенцы заморские!

– Вот, – похвастались добытым Финисты ясно-соколы. – Как от сердца отрываем! – Скорее уж от паха!

– Здесь соль и сахар, с кухни украла!

– Целая эпопея была! У нас знаешь какая повариха?

– Угу! – подтвердил брат. Финисты были совершенно одинаковые и синхронизированные, когда говорил один – тут же подхватывал другой, будто знал, что хотел сказать брат. Несмотря на одинаковость, я даже уже стала отличать одного Финиста от другого.

– Повариха скорее сама кого-нибудь съест, чем из своей кладовой съестным поделится с оголодавшими адептами. Ей и черствой хлебной корки будет жалко!

«Еще одна проблема! – сообразила я про себя. – Видно, здесь еще и плохо кормят – специально, чтобы у адептов не было сил сбежать из-под венца».

– А жрать знаешь как хочется после богатырских подвигов? – впечатлил меня размахом проблемы один из соколов.

«Поставить себе на заметку: не иметь дел с этими хищными птичками после их подвигов – сожрут, оголтелые!»

Я стояла напротив Финистов и внимательно слушала двухголосый рассказ, мотала себе на ус да впитывала сведения как губка. Мне сейчас был важен даже самый маленький клочок информации.

– Короче, соли и сахара нам, конечно, жалко...

«Еще и жмоты...» – про себя подумала я.

– Но ты дева в беде, тебе нужнее.

«Не такие уж и жмоты, только что я буду делать со специями, когда еды все равно нет?»

– Конечно, в модных салонах рекомендуется носить в гольфике песок... – сокрушались расфуфыренные модники.
– Да только ты его пойдя достань.
– Идти до ближайшей реки несколько километров.
– А там русалки, – наперебой делились информацией и сыпучими запасами Финисты.

– Останешься без песка, панталон и гольфика...
– Короче, держи! – Я уже доверчиво протянула руку, как эти засранцы золотогульфиковые сыграли со мной злую шутку. Дружно, как один, подкинули вверх все содержимое мешочков. Соль и сахар дождем осыпались на пол, смешавшись друг с другом и с грязью на полу.

Я так и осталась стоять с протянутой рукой, а франтоватая сволота – с гордым видом.

Вся комната была усыпана ровным слоем сахара и соли. Кто и как теперь это будет убирать – история умалчивала. Но что-то мне подсказывало, что с утра, когда придет веректрисса и приставленная к нам классная дама мисс Крюк, меня будет ждать новый урок домоводства. Персональный.

Мне страсть как захотелось высказать свое мнение этим нещипаным птичкам насчет подобного розыгрыша, и начать хотелось с фразы: «После того как насвинячил – не забудь хрюкнуть!» А потом превратить этих засранцев в нечто этакое с пяточком и хвостом крючком да заставить все убрать как было! Я и без их гнусных розыгрышей как-нибудь с чистью справлюсь! Удержалась только потому, что в комнате

стояла тишина.

И вот чудо-то – чисть, которая меня все это время за косу оттащить пыталась, отстала от меня. И сковородка больше не норовила вылететь из рук, а на полу среди учиненного соколами свинства прилежно так шуршало.

Чисть, совершенно не терпевшая беспорядка, прилежно по кристалликам разбирала соль и сахар на две кучки!

Мое изумление вырвалось в удивленное:

– Но ведь паутину и пыль они не убирали!

– Паутина от фамильяров, а пыль здесь везде и всегда была, это, так сказать, часть этого места.

– А вот рассыпанные сахар с солью, да еще и перемешанные, совершенно непереносимы для чистоплотной жити.

– Домовым духам теперь до утра хватит.

– Я вам очень благодарна за помощь! – чуть не удушилась от зависти я, но все же поблагодарила, втайне завидуя обширным нестандартным познаниям. Сама бы до такого никогда не додумалась, равно как и до того, чтобы носить в штанах соль и сахар. Какое простое и вместе с тем изящное решение! Может быть, мне все же стоит поучиться в этой академии до того времени, пока не найду способ сбежать отсюда? Лишняя информация не помешает. Здесь, похоже, учат нестандартным, но невероятно действенным способам борьбы со злом. Можно сказать, продвинутый и расширенный курс.

Я сладко зевнула с чувством выполненного долга и со-

бралась поживать. Домик, словно собака, помогая, притащил матрас.

– Ладно, спокойной ночи, утро вечера мудренее, – зевая, попрощалась я с соколами и полезла на свою лавку.

– И то верно, на дворе уже ночь-полночь! – зевнул в ответ один из соколов.

– Наверняка глубоко за полночь. Упыри давно повставали уже, – подтвердил его брат потягиваясь.

И Финисты ясно-соколы дружно залезли под мое тонкое одеяло с двух сторон от меня.

Сразу стало жарко. Нет, это не от стыда мои щеки покраснели, как два помидора. И не боевая брачная раскраска украсила мое лицо, это у меня давление от злости подскочило, заставив все пылать.

– Да вы что, с ума здесь все походили от любовной горячки? – взвилась я до потолка при виде такой ничем не замутненной наглости. Теперь объяснились дежурство Финистов под окнами и их скорый приход на помощь наивной дуре в беде. Караулили гады за окном, ждали, когда меня нечисть пожират будет и я заголошу на радостях от встречи с местными жителями. Даже необутовость паршивцев была заранее спланирована, загодя сволочи разулись, чтобы потом время не тратить.

Может, против чисти разбавленный чугуном и не очень, а вот неких не в меру расторопных индивидов вполне себе взял и воздействовал.

– Ай! Ой! – Рука у меня всегда была тяжелой, это даже Кощей признавал. – За что? Мы же тебе помогли, спасли от чисти!

– Сейчас я вас спасу от грехопадения! – Сковородка просто летала в моей руке. И звук был такой глубокий, приятный. – Ах вы, паскудники, богатыри, а гаже злодеев себя ведете. А ну, марш отсюда! – И повинуюсь приданному ускорению, оба сокола вылетели вон.

Я облегченно захлопнула окно за совершенно не смущенными братьями. И с удивлением увидела сквозь стекло, как эти «птички» действительно летали.

Последний кусочек пазла встал на место – крылатые метаморфы. У каждого за спиной было по золотому крылу. Так вот какие «птички» у веректриссы на посылках. Я знала о метаморфах только то, что они не так просты, как кажутся. Объяснялось и то, как Финисты забрались в окно.

«Неспокойной ночи! Зайдем утром!» – прочитала я губам. Действительно редкие пти... засранцы! Рука, больше не в силах держать сковородку, уронила ту на пол.

Братья-акробатя прислали по воздушному поцелую и полетели на свой этаж. Я поняла, что эти оптимисты не угомонятся. Утром назойливые ухаживания начнутся сызнова.

Совершенно несерьезное отношение к любви и институту брака! И кто их только воспитал? Ах да, главная сводница тридевятого царства-государства!

Но я была слишком уставшей, чтобы предпринять что-ни-

будь посущественнее, чем придвинутый к окну стул. Подперев таким образом оконные скобы, я устало поплелась к своей лавке.

Знала бы я, что ждет меня утром, соблазнила б одного из летунов или обоих сразу и свалила б подальше, воспользовавшись аэродинамическими свойствами Финистов.

К утру была бы уже за сто миль от академии, но я сладко спала под охраной боевого ежика и бабаягского домика и не знала, что мои приключения в тридевятом царстве только начинаются.

С самого раннего утра приключения сами нашли меня. Стоило забрезжить рассвету, как мисс Крюк открыла дверь в дортуар и зычным голосом (и откуда столько силы в столь щедеушном теле?) разбудила адепток. Вопль классной дамы «Подъем!» я услышала даже сквозь дубовую дверь.

Поэтому была готова к тому, что вскоре эта же самая дама постучала и тут же вошла и в мою горницу.

Я уже стояла одетая посреди комнаты, и наградой мне были вытянувшиеся лица мисс Крюк и адепток, босиком и в ночных сорочках столпившихся за ее спиной. Кажется, никто из них не надеялся, что я доживу до рассвета. Возможно, они думали, что меня сожрала рассерженная домовая чисть или, хуже того, свела сума. Но я показала им, из чего сдела-

ны Бабы Яги из изнанки.

Эти выражения лиц стоили того, чтобы потерпеть гнусные шуточки соколов.

Невероятное удивление сквозило в каждом взгляде, и я возгордилась тем фактом, что так ловко провела пленивших меня людей.

Я видела, что классной даме, приставленной надзирать за adeptками, хочется в чем-нибудь меня обвинить, чтобы мне жизнь медом не казалась и вид у меня был не столь победный.

Да только ничего крамольного я не сделала. В одиночку занимать спальню, как раз предназначенную для adeptок, не возбранялось.

Не найдя к чему придраться, дортуарная дама решила придать анафеме мой яркий, шитый золотом и красной нитью свадебный сарафан. Единственную одежду, что была у меня с собой, когда меня похитили.

– Почему не в форменном платье? – противным голосом заверещала правая, душой и телом преданная веректриссе рука. – Мисс Калинина, немедленно переоденьтесь в положенную по уставу одежду! Как вам не стыдно ходить в таком развратном ярком одеянии?

– Этот сарафан длиной до щиколоток, – удивилась я, еще не зная, сколь несправедливы правила в этой академии. – Что в нем может быть развратного? – огрызнулась я, не желая расставаться со столь дорогой мне вещью, как свадебный

сарафан.

– Как вы смеее оговариваться? Один выходной без посещений и домашней одежды, миссис Калинина! – За спиной миссис Крюк застонали адепки.

– Ой, я вас умоляю, и вот это платье, – я ткнула пальцем в одну из адепток, в отличие от всех остальных успевшую с утра переодеться, – чем-то лучше моего сарафана?

Адепки застонали еще громче, а та, что одета, еще и презрительно скривила лицо.

То ли девица была из тех учениц, что из кожи вон лезут, чтобы быть идеальными, то ли она спала в одежде, но на адептке был тот самый форменный наряд, состоящий из черного академического платья длиной чуть ниже колен, с противным белым воротничком. И адепка чувствовала в нем себя королевой!

– Вздорная девица! – еще громче завизжала классная дама. – Три выходных! Для всех!

Адепки дружно взвыли.

– Если вы, мисс Калинина, и дальше себя так будете вести, то страдать от ваших поступков будет вся группа! – Девицы, стоящие за спиной мисс Крюк, чуть ли не зарычали на меня, как собаки, никому не хотелось получать выговоры и оплеухи, когда виновен другой.

– Это что за шантаж такой? – возмутилась я, понимая, что мной манипулируют.

– Это правила, адепка! И они равны для всех. Если кто-

то не подчиняется, то страдает вся группа!

– Глупые правила. Я им следовать не буду! Я здесь временно, и скоро за мной придет жених! Не какой-нибудь там богатырь, а настоящий злодей, потомственный!

Чопорная кикимора была оскорблена до глубины души.

– Вы еще и бахвалитесь тем, что имеете сношения со злыднями! Позор! Вы порочней, чем мы думали!

Мне только и оставалась, что демонстративно и торжественно задрать нос к потолку, хотя хвалиться здесь было нечем.

– Отлично! – подытожила мисс Крюк, и я поняла, что перегнула палку. Сейчас действительно страдать будут все девицы, а потом не преминут отыграться на мне. – Адепки, всей группе переселиться в освоенный дортуар. Присмотрите за одnogруппницей. Старшая – займитесь ее воспитанием! Объясните ей правила и начните с одежды!

«Это что, заключение под охраной?» – хотела было возмутиться я, но меня перебил ультразвуковой возмущенный визг, фраппированной классной дамы:

– Калинина! Живо влезла в фирменное платье! А этот срам сжечь!

И в следующий момент на меня набросилась стая недовольных и злых от полученных наказаний адепток.

– Старшая, проследи! – как генерал малых войск, отдавала приказы мисс Крюк, пока я дралась с девицами за собственный сарафан и рубаху. – Последние представительни-

цы магии должны держаться друг за друга! И жертвовать личным ради общественного! – пафосно заявила, как потом я узнала, верная помощница и соратница веректриссы, хранительница правил и приличий академии и по совместительству гроза адептов.

А я уже собралась дать последний бой и умереть, защищая последнее бельишко, что на мне оставалось. Кощей, конечно, уверял, что девки в сказочной изнанке под сарафанами ничего не носят, но, во-первых, я не девка, а потомственная Баба Яга. Во-вторых, ему, злодею, виднее. Но если после свадьбы он на свой страх и риск посмеет еще хоть раз быть в курсе подобной информации – я позабочусь о том, чтобы он сам носил бельишко из чугуна и все девки в изнанке знали об этом.

Короче, до того как у последней Яги изнанки отобрали последнее исподнее, появилась приземистая домовичка, помощница кикиморы, со стопкой одинаковых платьев, свежее выглаженных, стиранных, и под торжествующе радостными взглядами адептов и кикиморы одарила меня одним.

– Влэзай в платьэ, живо! – с сильным заграничным акцентом хором гаркнули на меня адепки.

Так как секундой ранее мой свадебный сарафан пошел на растопку печи в моей же комнате, мне ничего не оставалось, как надеть противное колючее платье. В нем я выглядела словно ворона. Однако быть одетой подобно кладбищенской птице все же лучше, чем предстать раздетой пе-

ред Финистами или попасться на глаза богатырям. Мало ли что тем придет в голову?! Вдруг сразу начнут жениться, без объявления военных... Тьфу ты! Любовных действий! Ведь у этих витязей все строго по-военному, ничего иного, кроме борьбы со злом, они не ведают. Вот по-ихнему и получается, чтобы объект не успел опомниться и противодействие учинить, надобно его атаковать внезапно, застать, так сказать, врасплох, оглушить, деморализовать, подавить сопротивление, покорить и завоевать.

Я заметила, что по части этого самого срамного дела витязи и рыцари не особенно-то и уступают злодеям, а где-то даже и превосходят. Поэтому что-то мне подсказывало, что в этой академии биться предстоит не только с адептками, но и с богатырями. А чтобы отвадить их от притязаний на мою бабаягскую честь, придется развернуть активную противобогатырскую теракцию. Чую, вполсилы здесь не обернуться, требуется бить из всех орудий. Не стоит гнушаться диверсий, подлых демаршей и вредительства. Богатыри – это тебе не нежные злодеи, здесь требуется полное и безоговорочное уничтожение. Разбитое сердце и так далее.

Форма академии – это всего лишь маленькая уступка с моей стороны, за которую обидчицы получают сполна, победа еще будет за мной! Ох и навоююсь я в этой академии! Так просто они меня не возьмут! Но прежде требовалось разобраться с одноклассниками. Где это видано, чтобы Ягу столь бесцеремонно лишали любимого сарафана и кокошника?

А adeptки, тихо поругиваясь на непонятных мне языках, перетаскивали свои вещи в мою просторную, светлую горницу, и вскоре в комнатке стало не протолкнуться от девиц разных национальностей и их бабаягских домиков.

Осознание, что ночью я останусь вот с этими интернациональными и уже сплоченными в голодную стаю пираньями, припечатало меня пыльным мешком из-за угла. Колени подогнулись, я так и села на лавку. Нет уж, не позволю этим хищницам сожрать меня, у Бабы Яги есть защитники и позубастее. Я как ни в чем не бывало встала и, взяв метелку, стала сметать соль и сахар, еще наличествующие на полу в небольшом количестве. В этой горнице живу я и только я!

Девиц мне жалко не было, а вот бабаягские домики (или как они тут назывались – ежкины хижины) были настолько милы и очаровательны, что я призадумалась: «А не попытаться ли закопать топор войны и все же найти контакт с этими девицами?» Чисто ради этих архитектурных строений, что сейчас доверчиво толкуются возле моего избушонка и обнюхивают его.

А то как представлю, что чисть, обиженная ночным разбором по крупичам сахара и соли на две кучки, вцепится не в косы, а в эти очаровательные соломенные и черепичные крыши да разберет на две кучки бревна в одну сторону, а кирпичи в другую, так сердце замирает и кровью обливается.

Сами adeptки как ни в чем не бывало ползали по моей комнате, открывали крыши домиков, словно сундуки, доста-

вали и раскладывали вещи, стелили постели на лавках и в спальнях шкафах. То, что я изначально приняла за гардеробные комнаты и встроенные стеллажи, оказалось спальными местами! Вот такое опасное это место – тридевятое царство, что люди на ночь залезают в просторный шкаф и запираются там изнутри. Я старалась не думать, что такого страшного бродит по тридевятому государству и может залезть внутрь жилищ, что просто в комнате на лавке спать опасно. Или это они так от домово́й чисти в шкафах хоронятся?

Теперь, по мнению девиц, здесь было безопасно. Помещение ведь проверено моей тушкой. И если меня здесь не съели, значит, и им опасаться нечего. Какое лицемерие! Хотя я их понимала, дортуар на шесть человек – это не огромная комната, битком набитая адептками. Одна очередь в туалет по утрам занимает полкоридора. Здесь же собственный ватерклозет над крепостным рвом нависает, целых две ячейки. Гнездись – не хочу. Надо постараться, чтобы не уместиться.

Я посмотрела на эту ничем не прикрытую наглость и беспардонное вторжение в мою горницу и решительно вытряхнула соль с сахаром за окно, а после перенесла свою постель подальше от захватчиц, в один из спальных шкафов. Который, кстати, наполовину оказался посудным, что вселило в меня некоторую надежду.

Раздобыв клубок ниток (разорила один оберег), я изо всех сил начала катать его по тарелочке в надежде наворожить

связь с Кощеем или хотя бы попытаться отправить ему сообщение. Клубок пищал, терял ворсинки, но наотрез отказывался коннектиться с изнанкой. То ли золотая каемочка фонила и мешала связи, то ли мой любимый злодей был вне зоны доступа.

Я даже забеспокоилась – не навредили ли ему ясно-соколы? Мало ли какими противозлодейскими чарами их снабдила веректрисса. Они ведь здесь именно на борьбе со злом специализируются, не так ли? У них тут всякого полно, одних оберегов полные телеги. И им совершенно плевать, что Кощей уже почти перевоспитался, так, помаленьку злодействовал над особо зарвавшейся нечистью в изнанке, чтоб не озоровала, а в остальном – прям святой. Даже по девичьим светелкам лазить перестал. Видно, придется добывать яблоки, у них пробивная сила меж мирами больше. А то волнительно как-то, несколько дней ни слуху ни духу от Кощея. Даже соскучиться по своему вредному злодею успела. Жив ли там, мой злодеюшка, или веректрисса позаботилась о том, чтобы я навечно осталась в их академии и сгнила над фолиантами, бестиариями и гримуарами? От этих мыслей захотелось плакать. Но Бабы Яги не режут, в сотый раз напомнила я себе.

И попыталась еще раз дозвониться до Кощея, расхаживая по комнате и ловя тарелкой сигнал.

– Что у тебя пищит? – не выдержала одна из адепток.

– Это спутниковая тарелка, – ответила другая. – Только

бесполезно, здесь всего в трех местах ловит, – без злорадства ответила худосочная блондинка, по виду с примесью эльфийской крови. Уж очень бледной и бесцветной она выглядела.

– Но как же мне связаться со злодеем? – пришла в отчаяние я, осознавая, что Черно Быль не только расстоянием защищает академию от вторжения, но и глушит сигнал.

Девицы уже разложили свои вещи, а вернее раскидали ровным слоем по обжитым углам, оценили деревянные изыски, простор, санузел и пришли в благодушное расположение. Даже соизволили ответить мне.

– А тебе это очень надо? – спросила другая, с черными прямыми волосами и раскосыми глазами, владелица маленькой бабаягской пагоды в два яруса. – Верховная тебе другого жениха найдет, лучше прежнего.

– Не нужен мне лучше прежнего! – возмутилась я. Как вообще можно бросить злодея, который тебе доверился?! Мы Бабы Яги, вообще-то, в ответе за тех, кого приручили! – Я старого хочу, я его уже почти перевоспитала! – пожаловалась я на хромую судьбу. У меня и в самом деле уйма времени ушла на то, чтобы объяснить Кощею, что врагов не надо сразу убивать и головы им откручивать тоже не нужно. Тыкать острыми предметами вовсе не следует и потом, после того как они сдались в плен, не стоит вести себя грубо и неучтиво: жечь пятки, пытаться и прочее. Злодей очень тяжело учил азы доброты. А когда выучил, стало еще хуже прежнего. Уж

лучше бы он по-старому над нечистой силой измывался. Потому что теперь он брал провинившуюся нечисть измором. Читал им долгие и нудные лекции про то, как отличить добро от зла (видать, от меня набрался), да так хорошо он им эти нравоучения втирал, что темные сами молили их поскорее убить. А заслышав, что Костик сейчас им разъяснять будет, чем добро от зла отличается, пачками начинали перевоспитываться.

– Я злодея своего люблю... – обиженно пробормотала я, понимая, что все мои усилия прошли зря.

Девицы переглянулись и дружно пожали плечами, дивясь такому упрямству. Это все потому, что они никогда не любили. Я своего злодея так сильно люблю, что убить гада готова за то, что он все не едет и не едет меня спасать! Куда им понять такую возвышенную страсть?!

Дверь открылась еще до того, как кто-то из нас успел что-нибудь сказать. И вовремя, иначе бы разгорелась очередная ссора.

Это была все та же кикимора мисс Крюк.

– Девочки, в «Ежкин наряд» со-обирайсь! У нас очередной вызов от ундин тридесятого королевства, что-то на границе с явью беспокойно.

Адептки все как одна достали и надели фартуки поверх формы. Только делали они это странно, поджав губы и с сосредоточенными лицами профессиональных киллеров.

Я позавидовала выдержке, по самым младшим адепткам

было видно, что они волнуются, даже боятся, но сдерживаются изо всех сил.

Ишь ты, вот что делает год обучения в академии ведовства, глядишь, и я через пару деньков буду выступать в дозор с фейсом совершенного убийцы. Чтобы не отставать от коллектива, я, вместе со всеми адептками собралась на выход. Надо же было в конце концов узнать, что за дозор такой. Чем больше соберу информации об этой академии, тем быстрее выберусь отсюда.

Все расхватывали метелки, аккуратно припаркованные около двери. У меня же никогда метлы не было. И вообще, это страсть как неудобно! Одного полета на жесткой, впивающейся в булки деревяшке мне хватило на всю жизнь. Про студень ветер, задувающий во все щели, я уже молчу!

Около стены осталась одна ничейная метелка. Я посмотрела на нее и демонстративно прошла мимо.

Помня предательство веректриссиного веника, поклялась, что узлом завяжусь, но заставлю летать ступу, что для зонтиков в моей комнате используется. Нам, Бабам Ягам из изнанки, просто положено в таких летать. Или, на худой конец, вон ту швабру, что в углу томится, оседлаю. Какая разница, на чем зад морозить?

Доверять подарочку от дамы, укравшей меня со свадьбы? Да ни за что на свете. Эта метелка меня уже раз увезла за тридевять земель, второго шанса я ей не дам. Спасибочки больше, не надо, мне уже хватило. В следующий раз может

на край света увезти и там уронить. Поэтому я сделала вид, что не знакома с предательским веником, демонстративно залезла на швабру, проверила тягу и магическую искру и вышла в коридор вслед за остальными адептками.

Мы вереницей, следуя за мисс Крюк, спустились вниз, в просторную палату.

Здесь уже стояли ровные ряды построившихся адептов. Под оценивающим взглядом главы академии мы проследовали к своим местам и так же, как и все, выстроились в шеренгу.

Веректрисса хмыкнула, увидев мою швабру. Стоящая рядом адептка ежиной академии извиняюще пожала плечами. Мол, она здесь ни при чем. «Вы же знаете эту из изнанки!»

Я же уже всю строила планы побега. Сейчас мы вылетим в этот непонятный дозор. Хотя что тут непонятного? Дозором обычно обходят границы, а значит, мы полетим к окраинам Черно Были. А оттуда и до наших земель рукой подать. Надо будет только пересечь высокие горы, переплыть синие моря, там и родная изнанка. Фигня!

Но главное – добраться до края Черно Были, оттуда я смогу позвать свою избушку на курьих лапках, она у меня быстرونая, вмиг примчится на мой зов. Главное, что ежик ей поможет. С таким рыцарем не одна кур... дама не пропадет.

Размечталась...

А в это время веректрисса толкала пламенную речь, любой вождь обзавидуется.

– Ежки! Равняйтесь на Команду! – Ишь ты, «Команда» аж с большой буквы! Вот так вот просто, без названия. – За последнюю неделю обнаружено и обезврежено целых девять очагов вторжения Навьих. – И этих тоже с большой... Что за навьи-то такие?

Я стояла в общем ряду вместе со всеми завистливо переминающимися с ноги на ногу адептками. Многим ежкам успехи загадочной Команды не давали покоя. Адептки вытягивали шеи, чтобы увидеть тех, кто удостоился такого одобрения веректриссы, падкой до замечаний и нотаций, но очень скупой на хотя бы одно доброе слово.

Девушки, заслужившие такой почет и уважение, не замедлили явиться сразу же после того, как веректрисса закончила хвалить и превозносить их достижения до небес. Готова поклясться, они специально так подгадали время, чтобы явиться в общую палату в зените своей славы и засиять еще ярче.

Идеальная шеренга адепток вошла в зал и встала ровным строем. Девушки, все, как одна, в черных глухих платьях, с такими же черными фартуками. Я, кстати, свой белый забыла надеть. Да и сам форменный наряд, противный, заграничный, так и хотелось с тебя сорвать. Не по причине излишней извращённости, хотя некоторые адептки, что пожирали глазами богатырей и рыцарей, вполуха слушали веректриссу, не отказались бы сотворить подобное. А возможно, вместе с платьем сорвали бы с себя и все остальное, вплоть до исподнего.

Мне же в этом наряде настолько было дискомфортно, словно я ежовую шкуру наизнанку надела, колючками внутрь. Платье щипалось, кусалось, кололо меня и немилосердно щекотало. У меня, в отличие от девиц, не было кокетливого шелкового белья. А мою нижнюю рубаху с вышивкой отобрали, как и сарафан с кокошником. В этой академической униформе пыток настолько было плохо, что я не отказалась бы от того, чтобы сорвать нижнее белье с кого угодно и надеть на себя, лишь бы не чувствовать этих смертоубийственных покалываний. Любое белье, первое, что попадет, только бы это чудовищное платье перестало меня терзать.

За телесными треволнениями я не заметила, как все адепки напряглись, словно гончие на облаве, некоторые даже сделали охотничью стойку.

– А теперь распределение, кто с кем пойдет в наряд! – вещала веректрисса на всю просторную палату так, что эхо заметалось под сводчатым потолком. – У нас все как в белом танце. Ежки выбирают себе кавалеров! – Только почему-то после этих слов богатыри бросились вперед.

И тут я поняла, что моим мечтам о побеге не суждено сбыться. К каждой из адепток бросилось по несколько витязей и рыцарей. Все адепки вмиг были расхватаны, будто горячие булочки из печи, голодными бродягами. Да так оно и было. Среди расторопных «кавалеров» кого только не наблюдалось, и каждый из них был одет почище бомжа, кто во что горазд.

Я заподозрила неладное. На душе словно кошки заскребли. Все богатыри щеголяли полным боевым облачением.

Это что же означает, в дозоре будет опасно? Как же тогда мой побег?

На моих глазах адепки, те, что пострашнее личиками, догнали последних улепетывающих со всех ног рыцарей и осалили их. Те безуспешно подергались в цепких объятиях дам и смирились со своей участью. Ажиотаж ловли блох и противоположного пола внезапно закончился. Все адепты как мужского, так и женского вида стояли парочками. Одна я болталась вне строя без партнера.

– Калинина! – окликнули меня. – Не спи, а то замерзнешь! – Ну кто еще, как не мисс Крюк, сразу невзлюбившая меня.

– Ладдушка, самоубийством жизнь покончить решила? – подплыла ко мне веректрисса, как всегда высокая, строгая и безупречная.

«Еще чего! – про себя огрызнулась я. – Вы первые, а я после!»

– Ты мне статистику не испортишь. Не допущу подобного. Так. Сейчас мы тебе защитника подберем... – Ее лениво-испытующий взгляд пополз по адептам. Некоторые девицы пошустрее, что схватили по два кавалера, в страхе вцепились в руки защитников и прижали к себе сильнее, боясь: вдруг отберут.

Прошерстив ряды, веректрисса наклонила голову, загля-

дывая за группу адептов. Чтобы разглядеть, на что та уставилась, мне пришлось чуть ли не параллельно полу изогнуться буквой «зю», и я таки умудрилась посмотреть на то, что так понравилось веректриссе.

За группой девиц и богатырей стоял огромный широкоплечий детина разбойничьей наружности и с интересом разглядывал то, что секунду назад добыл из ноздри. Кожа этого странного витязя была черного цвета, а волосы, наоборот, белые, будто снег. По лицу незнакомца, видно, проехала газнокосилка, столько на нем было шрамов, а одежда никогда не знала порошка или мыла, да и сам богатырь вряд ли знаком с водой, раз такого странного оттенка.

– Ну, вот тебе и пара, – мурлыкнула довольная веректрисса. У меня отпала челюсть.

– Кто эта лохматая и немытая горилла? – выпалила я, не в силах определить, что за существо предстало предо мной. Медведь? Огр? Вид индивида определялся с трудом и больше всего смахивал на одновременную помесь нескольких рас. Но я не знала настолько извращенных представителей темных эльфов, кто бы позарился на страшилище, от которого произошел этот первобытный богатырь.

– Немного неказист с виду, но теперь это твой защитник, – великодушно подарила мне чудовище веректрисса или правильнее сказать – сплавила на руки? – Зато можно спрятаться за столь широкой спиной. – Да там целый полк схоронится! – Не даст подохнуть в дозоре. Возможно, – бросила глава

пыточного заведения и, не скрывая своего злорадства, отошла.

И тут произошло то, чего я не ожидала, самая чудовищная из подстав, на мгновение перекрывшая даже факт увода меня с собственной свадьбы.

Веректрисса подняла руки к потолку палаты и произнесла заклинание, яркой звездой влетевшее вверх. Когда золотая искра достигла своего пика она, словно салют, раскололась на тысячи частиц, что подобно метеоритам стремительно понеслись вниз. Все адепты парочками, сцепив ладони, подняли их вверх, ловя осколки заклинания, пока я стояла, раскрыв рот и хлопая ушами. У каждого, поднявшего руки к потолку, на запястьях обозначились золотые руны, связавшие их в пары.

Я с ужасом посмотрела на свои запястья, на них сияли такие же знаки. Резко повернув голову, я всмотрелась в лохматое чудище, рисунок на запястьях чуда-юда был схож с теми, что каленым железом жгли мои руки.

И возмущаться по типу «Я на это не соглашалась!» было поздно. Я достаточно разбиралась в волшебстве и ворожбе, чтобы понять, что произошло. Мы остались последней свободной парой, и заклинание связало нас по умолчанию. Что-то мне подсказывало: теперь я сто раз пожалею, что не подсуетилась и не выбрала себе партнера самостоятельно. Хотя бы одного из отмороженных английских рыцарей, упакованных в черные доспехи, словно черепахи. Или одного из

французских, как я слышала, жадных до земноводных, но эту странную любовь я бы потерпела.

Сейчас, повязанная с не пойми кем, я была бы рада огру, троллю или гоблину, любой понятной твари, а не этому богатырскому чудовищу, чья рука, только что запустившая в полет добытое из ноздри, внезапно остановилась. Баллистическая сопля сбила с ног худосочного витязя из заморской страны. Хоть силушки богатырской ему не занимать, ума бы еще немного.

То ли человек, то ли зверь с интересом уставился на поворачивающийся на запястье рисунок. Абсолютно белые брови на темном, испещренном шрамами лице сошлись к переносице, и на лице, не искаженном интеллектом, зародилась какая-то мысль, впрочем, тут же ускользнувшая прочь. Видимо, тот факт, что на него наложили мощное связывающее заклинание, не очень обеспокоил богатырское чудовище.

Индивид неопределимого вида хотел уж продолжить носовые раскопки, но веректрисса вновь выступила вперед и начала выкрикивать имена.

– Команда, как всегда, в своем стандартном составе, а остальные? Подождите-ка, у меня где-то здесь был список.

– Потомственная ведьма Мартиша Глок и витязь Воронье Крыло. – Здесь были все представительницы, практикующие тот или иной вид колдовства. Колдуньи вуду, заклинательницы змей, ведуньи, волшебницы всех оттенков магии. Рыцари, богатыри и витязи не менее разнообразны. Про расы

и виды я уже молчу, кого только здесь не было. Собраны со всего сказочного мира. Что-то это да значило, только я в силу неопытности еще не могла понять что, хотя мое бабаягское чутье просто-таки вопило: здесь нечисто и все это не к добру!

– Лада Калинина, Баба Яга, неиницированная и... Отличненько, самый перспективный наш боец... и Скел Черепов! Превосходный защитник, тебе подойдет Ладдушка.

Прозвучала команда:

– Адепты, построились парами!

Мой взгляд заскользил по экипировке чудила. Шлем из черепа неизвестного животного, белые волосы небрежно завязаны в высокий хвост на затылке кишкой неизвестного животного. Впереди вместо нагрудника связанные вместе реберные кости, явно вынутые из кого-то большого, щит, определенно, из драконьей башки сделан, только таких я никогда не видела даже на картинках в волшебной книге. Я постаралась не гадать, какому такому Змею Горынычу принадлежал этот черепок.

В целом богатырь смотрелся вполне себе стильно, но очень уж дико и неприрученно. И стоять с этим страшилищем было как-то страшно, что ли.

Нас подвели друг к другу и чуть ли не столкнули лбами, заставляя образовать пару.

Я еще раз осмотрела предложенную мне гориллу. На ум пришла поговорка «В большой семье ушами не хлопай!».

Подсуетилась – урвала бы лучше, сейчас я была согласна и на Финистов ясно-соколов, даже на обоих разом.

А мне досталось то, что осталось. Вот этот кривой и неказистый...

– Урод!

– От крокодилицы слышу!

ОНО РАЗГОВАРИВАЕТ!

– А-а! – Я так и открыла в возмущении рот и тут же закрыла, не найдя что ответить, сильнее обидеть это страшное лицо, чем обидела его природа, я не смогу.

А потому я просто отошла подальше, бормоча про себя обидное и украдкой разглядывая доставшееся мне, пользуясь тем, что наши отряды пока не отправляли. Получается, к каждой представительнице магии приставили по надсмотрщику и связали заклинанием с богатырем. Как низко!

– Вот ведь пустая черепушка! – выругалась я, сетуя на все сразу.

– От выпотрошенной тыквы слышу! – донеслось до меня издали угрюмое бормотание. У него еще и уши как у рыси! Я отошла еще дальше.

– Построились! – прозвучала очередная команда.

Ну будто в армии!

Все выстроились в ряд, а горилла так и стоял, нарушая стройность рядов, теперь он проводил раскопки под ногтями огромным таким кинжальчиком, который иному худосочному рыцарю за меч сойдет.

Выход, как всегда, нашла Команда. Переглянувшись с ректриссой, девицы дружно шагнули вперед и поравнялись с чудом-юдом.

Теперь впереди стройными рядами, метлы на изготовку, стояли старшекурсницы из Команды, (обязательно с большой буквы, не забывайте об этом). Все в черном, строгом, пуговицы застегнуты до подбородка. Фартуки на адептках были тоже этого противного похоронного цвета, который почему-то в академии считался стильным. Хотя кто знает, возможно, нечисть, озорующая в тридевятом царстве, по которой эти похороны проходить будут, очень впечатлится тем, что ее на тот свет с такими почестями и пиететом отправляют.

– По метлам! Первая группа – первый сектор! – И парочка адептов, получив указания, вылетела прочь из палаты, пользуясь широко открытыми воротами.

– Вторая, третья группы! Разлетайсь! – Парочки одна за другой, развернувшись через плечо, синхронно вылетали прочь. До нас очередь еще не дошла.

Ну все, в очередной раз попала ты, Лада Калинина. Теперь вынимай себя из трясины за косу, как Мюнхгаузен. И самое обидное, что вокруг нет никого, кто бы помог. Мои звери далеко, а домик и ежика я ни за что не подставлю.

Я посмотрела на хитрые рожицы своих сотрудниц и поняла, что ситуация еще хуже, чем я думала. Из этого наряда я вряд ли вернусь, уж они-то позаботятся, чтобы к ним больше

никого не подселили, особенно такой балласт, как неиницированная Яга из изнанки.

Знаем, едали. Как только мы вылетим в этот их пресловутый дозор, так они сразу попытаются меня потерять или еще что похуже. А еще этот Скел Черепов, с которым у меня сразу не заладилось, «пустой черепушки» он мне точно не простит. И сто процентов попытается до смерти защитить.

Мне срочно требовались план и перестраховка. Надо же иметь что-то, с чем я могу с этими хищницами торговаться, например, вряд ли они знают секрет безболезненного проживания в светелке. Если хотят и дальше жить на таком просторе, а не ютиться в общей комнате, им придется принять меня в свою команду, хоть и с маленькой буквы.

Внезапно я пожалела, что выбросила соль и сахар в окно, надо было аккуратно ссыпать в мешочек, теперь нечем домовых отвлекать. И нечего предложить адепткам.

Я нашла взглядом Финистов.

Рассмотрела двух щеголей, что в академии ведовства на особых правах находились. Потому что ни форма, ни что иное не было для них указом. Любимцы веректриссы и не только ее, по ним сохла вся академия. Вот такие здесь порядки – все адепты равны, но некоторые равнее.

Мелькнула мысль обокрасть засранцев в отместку за скалолазание и окнолазание, но увы, это не наш метод.

А рядом тяжело, как больная корова, вздыхала самая дружелюбная адептка из моей комнаты.

– Как приятно, что каждый наряд сопровождают Финисты! Если уж не на свидания с ними сходить, так хоть налюбоваться на них вдоволь!

– А по мне – обычные бабники! – прыснула я ядом в оконных лазутчиков. – Ничего особенного!

– Да ты что! Они абы с кем на свиданки не ходят, только с лучшими адептками. А нам до них далеко.

Я взглянула на остатки первой Команды, что стояли с невозмутимыми лицами доbermanов, прирожденных убийц. И пригорюнилась: нам до этих действительно далеко.

Но наряд нарядом, а насущные проблемы решать надо, пока все не разлетелось кто куда. Судя по тому, как здесь кормят, у поварахи снега зимой не допросишься, не то что занять соли и сахара. Воровство, как я уже сказала, не наш метод, надо посылать профи.

Я бочком подкралась к Финистам ясно-соколам.

– Пс! Соль и сахар есть? – с вожделием осведомилась я у соколов, разглядывая срамные, все в обтяжку портки. Гульфики обоих червоноволосях стервецов по-прежнему предельно модно топорщились, будто и не отдавали мне накануне весь свой пошлый запас. Видать, уже успели метнуться до кухни и обратно, иначе не модно заграничные панталоны в срамных местах провисать будут.

Поганцы переглянулись, и я поняла, что попала.

«Эх, Лада, не умная ты девица, – поругала я себя. – Надо было в штаны лезть и молча красть, вместе с нижним бе-

льем в этом колючем платье любая защита тела пригодится, а ты...»

– А что, сильно надо? – синхронно, с абсолютно непроницаемыми покерфейсами поинтересовались Финисты. Я мысленно взвыла. И пришлось колоться как орешки.

– Вопрос жизни и смерти! – сквозь зубы процедила я. И мысленно добавила: вашей!

– Ну мы бы могли поднапрячь свои силы...

– И к выходным добыть... – почесал подбородок один из братьев, рассматривая потолок, – раньше, наверно, никак.

Я молчала и даже не собиралась прерывать этот спектакль.

– Понимаешь, вот мы сейчас пойдем навших громить... – стали объяснять Финисты, вернее набивать цену своей услуге.

– Получим всякие ранения. Тяжкие! Увечья в праведном бою за правое дело...

– ...и спокойствие тридевятого царства и всего сказочного мира.

Угу, получат увечья эти телки, скорее всю нечисть покалечат. И так жалко мне стало тридевятицарскую нечисть, хоть плачь, словно эти ироды маленьких пушистых зверюшек обижать идут!

– Может, даже руку потеряем...

– Или ногу... – как-то слишком мечтательно протянули Финисты ясно-соколы. Словно взаправду мечтали о подоб-

ном, хотя, если честно, я подозревала их в совершенно иных мечтах, более приземленных и непристойных, чем защита сказочного мира.

– Кто же нас будет утешать, любить и целовать таких? У нас же даже девушек нет...

– ...не то что невест... – поддакнул брат.

– ...даже жен не имеется... – После этого заявления соколы сделали многозначительную паузу, видимо, чтобы я прониклась.

– Вот если бы...

– Не если бы! – вовремя отрезала я. – Никакой любви и утешения до свадьбы!

– А мы хоть сейчас! – дружно шагнули вперед соколы.

– Я пошутила! – испугалась я неугомонного энтузиазма богатырей. – Это все как-то быстро.

– А мы можем и помедленнее! – В экстренных ситуациях я могла соображать очень быстро, жить-то хотелось!

– Двойное свидание за кило сахара и соли! – И уточнила: – К вечеру!

– По рукам! – Мы ударили в ладони. А меня не оставляло чувство, что что-то не так.

Ну, в самом деле, что будет от одного свидания? Выходя ночью в коридоры, парни рискуют больше. Там могут бродить влюбленные адепки. А если на горячем попадутся, так вообще полный песец будет.

Прозвучала очередная команда:

– По метлам!

Увы, это был приказ нашей команде.

Я, как и прежде, не успела самостоятельно взгромоздиться на летающее средство. Веректрисса подняла руку, щелкнула пальцами, и швабра рванула к выходу со всей возможной скоростью, чтобы в последний миг возле двери резко тормознуть. Я, висевшая позади и из последних сил цепляющаяся за щетину, полетела вперед, скользя под шваброй, будто спрут под днищем корабля. Ведь я еще продолжала полет, а транспортное средство уже замерло в воздухе как вкопанное.

Я повисла на швабре, словно макака на ветке, цепляясь за ту и руками и ногами. Надо мной раздался скрипучий, полный сочувствия голос.

– Так, новенькая... Калинина... Калинина... Ага! – Я посмотрела вверх и увидела над собой старую замшелую лесовицу. Бабка, распределяющая районы дозора, почесала нос кончиком пера, зыркнула на меня серыми глазами, скривилась от увиденного и решила: – Определю-ка я вас подальше от неприятностей... – Сквозь пергамент карты на просвет было видно, что вся местность разбита на квадраты и нам достался участок по ту сторону чертового озера. А аккурат с другой стороны водоема алел тот участок, закрашенный красными чернилами квадрат, откуда зывали о помощи пресловутые русалки.

Стоило послунявленному карандашу поставить галочку

в пустом квадрате, как моя скоростная швабра вновь рванулась вперед.

Но я к этому уже была готова, заранее вцепившись в транспортное средство всем, чем только можно, да и летела я не одна. Запрокинув голову, я увидела деревянные ворота академии, домик, со всех ног догоняющий нас. Хотя я кричала ему оставаться на месте. Вскоре мои спутники закрыли весь обзор, так что я не могла увидеть, выполнил ли мою команду избушонок или нет.

Рядом со мной, поравнявшись и изображая из себя прилежный клин гусей, летели остальные адептки, время от времени косясь глазом на столь неординарный способ передвижения.

Позади нас топотали на разномастных тяжеловесах богатыри и пара рыцарей. Среди них особо выделялся один конь, далеко не богатырской стати. Коняга чудной породы, тощая и тонконогая, но глядишь ты, попевала за всеми. Правда, мне вниз головой было плохо видно.

До озера мы домчались в считанные минуты, и все благодаря поспешаловке моей швабры. Долетев до места назначения, транспортное средство крутанулось вокруг своей оси, сбрасывая меня на сырой песок (спасибо, хоть не в воду) и самостоятельно припарковалось у ближайшей сосны.

Богатыри подъехали, слезли с коней и стреножили последних. Вот тут-то я и рассмотрела чудо-коня, что, поймав мой взгляд, лихо и озорно подмигнул мне глазницей своего аб-

солютно лысого черепа.

– Эт что за страсть? – озвучил свое и общее тоже мнение один из богатырей, за что тут же получил копытом в щиколотку. Это отбило у всех любое желание задаваться вопросами. И без того было видно, что конь обладает скверным характером.

Хотя лично мне никто не мешал гадать: на чем конь-скелет держится? Никаких креплений в суставах не было видно, разве только грива и хвост коня пылали ацетиленовым факелом да дымили.

А богатырь, больше похожий на помесь льва, гориллы и медведя, как ни в чем не бывало ухаживал за своей боевой скотиной, протирая тому кости от утренней росы да лучше прилаживая сбрую.

Какое-то время ничего не было слышно, кроме звона застежек, грохота костей и недовольного дикого ворчания, это выражал свое нелицеприятное мнение о местных конюхах навязанный мне в пару дикий богатырь.

Зверотырь поправил последнюю подпругу на скелеконе, и стало тихо, очень тихо. Мы топтались на абсолютно безлюдном берегу и не знали, что делать. Минут через двадцать все стали маяться от безделья.

И так бы и замаялись до смерти, если бы прежде нас не решили сгубить иные сучности.

Если бы лесовица поставила крестик чернилами, а не галочку карандашом, которую легко стереть, каждый из нас отнесся бы к назначению с большим вниманием и пиететом.

А так всем было ясно, что нас просто сплавили подальше от самого интересного и впереди нас ждет только многочасовая скука.

Поэтому никто из нас не придавал особого значения, когда берег и сосны затянуло рваными клочьями тумана, а над водой разнеслось тихое пение. Эка невидаль, русалки поют, да они по вечерам как лягухи, горло дерут и все почем зря. Такой шум на реках и озерах поднимается, словно на ярмарке в базарный день. Это утопленницы и русалки женихов своими песнями подзывают и в космы друг другу вцепляются за внимание каждого проезжего рыцаря.

Только сейчас все было иначе. И будь у нас чуть больше опыта, мы бы драли лапти с этого тихого, поросшего острой осокой бережка, и песни эти тоскливые замогильные не слушали.

Но опыта у нас на всех было с мышиный хвост, и мы, как последние идиоты, сидели у воды и слушали, как поет водяная нечисть, а некоторые еще и подвывали тягучему мотиву.

«Мое сердце так тоскует, ни к чему мне денег звон, лишь герой меня утешит, ведь дороже злата он...» – разносилось

над водой.

Никто из нас не придавал значения тому, что одинокий гипнотический голос был все ближе и ближе, пока вовсе не стих где-то рядом с нами. Напеваемый мотив все еще странным образом звучал во влажном воздухе.

Мы напряглись только тогда, когда один из богатырей после короткого разговора, как нам казалось, с самим собой, внезапно заорал и нырнул в воду. Прямо с бережка и в самый омут, оказавшийся довольно-таки глубоким, ведь в нескольких шагах от кромки воды шел подводный обрыв.

Все бросились ему на помощь, но было уже поздно. На воде покачивался пустой шлем, медленно заполняясь водой, он шел ко дну, разгоняя струйки крови, растворяющиеся в воде.

Какое-то время мы все стояли, тупо глядя на озеро, пока круги полностью не успокоились. Видя, что никто ничего не собирается предпринимать по этому поводу, а все пребывают в безмолвном шоке, я не выдержала и взяла руководство группой на себя.

– Ныряем! Может, он еще жив! – под шокированными взглядами ежика и богатырей я задрала подол платья. Не в одежде же нырять! Но вместо того, чтобы сделать то же самое, вся группа уставилась на меня так, будто я сошла с ума.

Видя, что никто не хочет помогать, ежика, что была связана с пропавшим, заныла:

– Ой, девочки, спасите моего богатыря! – Из глаз бледной

девицы, что была ниже и младше всех, струились крупные слезы. – Мне вовек еще одного такого не поймать! И этого-то с трудом добыла, – жалилась несчастная в надежде получить помощь.

– Так... Может, он уже того... – неуверенно предположил один из рыцарей. – Мертв... Поздно небось. – По взглядам всех присутствующих ясно читалось, что никому не хочется лезть в неизвестный мутный водоем, где водится то, что может утащить под воду матерого витязя.

– Не печалься, девица, я и за тобой, и за Морген присмотрю! – предложил свои услуги один из чернявых богатырей, видимо, он решил открыть здесь филиал своего гарема, так маслено посверкивали его раскосые глазки.

– Че, приссали, слабаки? – раздалось за спиной. Все возмущенно повернулись, чтобы наткнуться на издевательскую ухмылочку. Зверотырь, вальяжно привалившись к ближайшей сосне, чистил ногти. А он вообще показался мне очень чистоплотным. Спорим, за обедом, если мы, конечно, до него доживем, он будет ковыряться в зубах?

А тем временем богатырь продолжал поливать всех своим презрением.

– Ну и сборище слабаков, впервые таких вижу. – На большинстве лиц прямо-таки было написано: ну и посмотри! – Какая-то селедка залетная зубами раз щелкнула, и вы уже портки обмочили.

Вот за что я люблю некоторых заучек, что метят в лидеры

группы, так это за то, что они могут из всего сказанного выделить самое главное.

– Что значит залетная? – деловито переспросила та, что среди ежек старшая была.

– А то, что не местная эта нечисть, не пресноводная. Такие больше в морях водятся.

– Ты-то откуда знаешь, – недоверчиво переспросили из толпы мнущихся у воды, – и как догадался?

– По углу наклона ее бедер. – Тут-то все обескураженно и замолчали, прикидывая, как можно определить вид русалки по вышеописанному признаку. Не додумавшись до чего-нибудь дельного, все прониклись уважением к столь глубоким знаниям звероподобного богатыря.

Некоторые ежки, что поумнее, тут же покраснели, осознав, как и при каких обстоятельствах сей богатырь мог изучать наклон русалочьих бедер. До большинства же рыцарей доходило еще несколько минут. А как дошло, половина из них как-то сально заулыбалась. И внезапно, к ежиному удивлению и возмущению, более охотно согласились лезть в воду. Меня же выбесили эти заумные подробности и та наглая всезнающая улыбочка, сверкавшая на морде богатыря по принципу «мы везде были, все знаем».

Те, кто меньше знал о русалочьих привычках, высказали свои предположения на этот счет:

– Та она небось его уже обглодала, так что держись меня, не пропадешь! Моей силушки богатырской на двух девиц

хватит. Я уж за вами, горлицами, присмотрю.

– Только вот не получится присмотреть, – отрезала старшая, та, что недокормленным телом больше всего на эльфу была похожа или на жирафу. – Ежка силу свою только одному избранному подарить может.

– Жив он еще, скорее всего, если зелье с пояса выпить успел, полчаса под водой продержится, – потягиваясь и отликая от дерева, лениво промолвил звероподобный богатырь. Сосна крикнула и надломилась, когда тот от нее оттолкнулся. И все, даже поломанная сосна, оценили силушку богатырскую. «Ума бы ему еще!» – было мое мнение на этот счет.

– Морские ундины обычно сначала «женятся», а потом пируют. Аккурат до того, как зелена девица закусывать вашим приятелем будет, у нас полчаса и есть.

– Ныряем? – спросила я, хватаясь за подол, но все стояли как стояли, переминаясь с ноги на ногу. Только адептка, упустившая своего богатыря, тоненько ныла на одной ноте.

– Так что же, не будете спасать своего приятеля? – Белесая бровь на темном лице вопросительно изогнулась.

– Нам не велено вмешиваться. В случае обнаружения опасной нечисти или вторжения навьих мы обязаны вызвать преподавателей и ни в коем случае не вступать в контакт или бой.

– Ну, с вами все ясно, – составил свое мнение о девицах зверотырь, и мне стало стыдно за ежек. Вроде мы с ними обладательницы одной и той же профессии, защитницы добра,

но эти заграничные ежки такие трусихи. – А ничего страшного, что член вашей команды может там погибнуть, так и не дождавшись преподавателей, которые застряли с той стороны озера?

Адепткам нечего на это было ответить.

– А вы что же, вроде герои? – обратился богатырь к своим собратьям.

– Одним конкурентом меньше, – дружно хором отозвались молодцы. – Нам девиц-красавиц больше достанется. Да и потом – какой он богатырь, если его спасти надо?

– Ну и ну... – подивился зверотырь, – дружная у вас тут компания, ничего не скажешь. – Только придется потерпеть конкуренцию.

– Чей-то? – недовольно осведомились молодцы, которые уже зыркали друг на друга и прикидывали, каким еще способом можно уменьшить количество конкурентов, чтобы девок-ежек на одно наглое богатырское рыло больше случилось.

– А той-та. Преподы головы нам снимут, если мы на помощь своему не придем. – Я выдохнула. Одна короткая фраза – и напряжение, что стало нарастать на этом берегу, тут же рассеялось, вот как ловко одним упоминанием начальства богатырь поставил всех зарвавшихся витязей на место. И смертоубийства не случилось, вместо этого герои – кто цыкая зубом, кто вздыхая, а кто крякая, – стали проверять оружие да склянки, привязанные к поясу, пересчитывать.

Беловолосый зверомонстр, чью расу и породу я так и не

определила, конечно, молодец, драчунов этих приструнил. Но какой наглец всеми командовать и приказы раздавать! И вроде все правильно сделано, я и сама хотела сказать, что своих не бросают, так нет же, этот влез поперек! И бесит он меня со своим самодовольством и непрошибаемой самоуверенностью! А еще кто его тут главным назначил, скажите, пожалуйста?!

– Так, а ты, мелкая, – обратился чудо-юдо богатырь к самой младшей из нашей группы, – схватила метелку и дунула на ту сторону озера предупреждать преподов.

– А вы, девицы-красавицы, готовьтесь, сейчас будем нашего товарища у морской нечисти отбивать. Только вперед не лезьте, позади стойте.

Перепуганные предстоящей несанкционированной битвой адепки, что в страхе держались кто за метлы, кто за ткань своего фартука, облегченно выдохнули и расслабились. И непонятно было, чего они больше боялись – гнева начальства или сражения.

– Как бы не хотелось мочить под... – запнулась белобрысая, и я поняла, что она хотела сказать: подштанники. – Короче, по-всякому лезть в воду придется. Так что мы готовы! – закончила фразу тощая девица эльфийской наружности. Я про себя подумала, что такой «доске» нечего волноваться – на воде не утонет. Но это во мне говорила ехидная бабаягская часть, на самом же деле я впечатлялась девицеиной отвагой, остальных же адепток, несмотря на заверения зверо-

тыря, что герои сами справятся, колотила мелкая дрожь.

Каждый из богатырей выбрал по склянке с пояса и залпом выпил. То, что отправил в себя связанный со мной чудо-юдо рыцарь в костяном шлеме и реберном нагруднике, не понравилось мне с первого взгляда. Потому что в пробирке плавали черви.

Еще больше я запаниковала, когда на моих запястьях засветились узоры. Нет, я была в курсе, что нас с бледноволосым насильно повязали, склерозом не страдаю, но я даже не догадывалась, что связь была гораздо глубже, чем я надеялась. Зелье, изменявшее тело богатыря, меняло и мое, позволяя мне дышать под водой. Вот так, то, что влияло на него, отражалось и на мне – и наоборот.

Остальные рыцари только охали и кричали изменяясь. Богатыря же выгнуло дугой, и он заревел, словно лев в саванне.

Мощное зелье, аж меня проняло. Запястья горели огнем, а я начинала задыхаться на свежем воздухе.

Девушки также сменили способ дыхания, каждая в зависимости от зелья, принятого на грудь богатырем.

Некоторые из адептов, покопавшись в бездонных карманах фартука, одаривали своих защитников собственноручно сваренными зельями. Там были почти все виды декоктов, способных помочь в бою, от ночного зрения до удвоения силы.

Первая мысль: сварить йаду и освободиться от связи. Но вспомнив, насколько она крепка, и освежив в памяти непро-

шибаемую тушу зверолода, я поняла, что скорее сама концы отдам, чем завалю навязанного мне спутника, такому любая отравка только легкое несварение учинит и не более, а я загнуться успею.

Зелья действовали, и мы начинали некомфортно чувствовать себя в воздушной атмосфере; вода, омывавшая бережок, так и манила.

Я приготовилась раздеться и прыгнуть в воду со всеми. Но адепки вместо того, чтобы аккуратно одежду снять и на бережку положить, дружно полезли в воду одетые. Богатыри тоже не собирались расставаться со шлемами, нагрудниками и прочей экипировкой. Эка предосторожность против обычной русалки, пусть и морской. Мне ничего не оставалось, кроме как последовать за всеми.

Стоило погрузиться с макушкой, как платье тут же облепило тело и тяжелым грузом потянуло ко дну. Посовещавшись, ибо зелья позволяли говорить под водой, мы рассредоточились по дну чертова озера и дружно двинули на поиски приключений.

Я всегда знала, что на меня наложили порчу излишней удачей. Русалку и ее жертву удалось отыскать именно мне, причем без особых усилий. Свалившись в подводный овраг, к взаимной радости мы нашли друг друга.

Русалка оторвалась от шеи прибалдевшего богатыря и зашипела. С губ хищницы срывались крупные капли крови и уплывали, уносимые течением.

– Ты что же это здесь творишь такое? – воскликнула я, одним своим донельзя возмущенным тоном голоса останавливая чешуйчатую девицу, припавшую к раздетому и обмотанному водорослями богатырю. А примотало его прилично.

– Богатырс-с-ского мясца поес-с-сть хотела, да и размножьтс-с-ся нам как-то надо. – Ундина улыбнулась настолько зубастой лыбой, что у меня по коже туда-сюда несколько раз промаршировали препротивные мурашки. Зубы были больше похожи на острые иголки, чем на звериные клыки, и вся эта радостная улыбочка была перемазана красным.

Узрев такую неопишемую радость при виде самостоятельно пришедшей в перепончатые ладони жертвы, я невольно сделала пару шагов назад.

Со мной только сковорода и никого более! Метелка на поверхности осталась, а ежки с героями разбрелись кто куда вдоль берега, по кустам ползают, будто раки, да так, что и не найдешь их там. Одну меня угораздило на глубину полезть...

А русалка, напружинив свой полосатый, что у твоей акулы, хвост, приготовилась подзакусить мной. Видя, как хищница, покачиваясь на хвосте, примеривается к броску, я невольно дернула плечом, сбрасывая красный витой шнур, что держал сковородку за спиной, и встала в боевую стойку. Чугун обескуражил нечисть и заставил ундину быть более

осмотрительной, а меня – лихорадочно начать соображать, как убраться отсюда подобру-поздорову.

Позади послышалось: «Кгы-кгы!» Будто кто смеялся, а не откашливался.

Русалка не поверила своему счастью: мясо само шло косяком в ее распахнутые объятия.

У скалы стоял Скел Черепов, подперев ту плечом, скала медленно отъезжала в сторону, поддаваясь силушке богатырской.

Почувствовав за спиной поддержку, я вконец обнаглела, это приступ трусости обернулся на сто восемьдесят градусов и превратился в неумный энтузиазм.

– Трепещи, нечисть! – направила я чугунок напрямиком на обескураженную моими изменениями ундину.

– С чагой-то?! – подивилась зубастая, не понимая, откуда у меня столько самомнения. – Отродясь Баб Яг не боялась и аккурат «файф о клок» ими закусывала!

– Сейчас я тебя как бабаягну сковородкой!

Я, воодушевленная подмогой, с яростью набросилась на ундину, чем несказанно ее обескуражила. Так удивляется кошка, когда на нее нападает бешеная мышь. Вот и сейчас жертва наотрез отказывалась становиться закуской. Поэтому от греха подальше зубастая решила не связываться с полумной.

– Хватай, хватай ее! Будет знать, как наших богатырей утаскивать!

На очередном витке я поняла, что громить нечисть несусь только я одна. Скел же стоит возле камешка и чистит ногти ножичком, даже не собираясь мне помогать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.